
Ан Тала
Отличница для байкера
ОН — ПРАВИЛА НАРУШАЕТ. ОНА — ВСЕГДА СЛЕДУЕТ ИМ.
ИХ ПРИТЯГИВАЕТ ВОПРЕКИ ВСЕМУ.

Ан Тала
Отличница для байкера

https://litres.ru/74751893

Аннотация

Вивьен Лосс всегда была идеальной.

Идеальные оценки. Безупречная репутация. Правильные друзья. Правильное будущее.

Вот только за фасадом роскошной жизни скрывается девушка, которой запрещено совершать ошибки, иметь собственное мнение и даже выбирать, кого любить.

Когда Вивьен обвиняют в том, чего она не совершала, её безупречный мир начинает рушиться. А единственным человеком, который неожиданно оказывается рядом, становится Леон Роуд — школьный хулиган, окружённый пугающими слухами и тайнами.

Они совершенно разные. Она всю жизнь подчинялась правилам. Он, кажется, никогда их не соблюдал.

Но чем ближе Вивьен узнаёт Леона, тем сильнее понимает: за его маской скрывается гораздо больше, чем она могла представить.

Теперь Вивьен предстоит решить: продолжать быть идеальной дочерью и жить по чужому сценарию или впервые рискнуть всем ради собственной свободы.

Он может разрушить её идеальный мир. И, возможно, именно этого она хочет больше всего.

Что есть в книге:

Запретные и сложные чувства

Тайны и двойная жизнь

Богатые семьи и давление родителей

Медленное развитие отношений

Предательство и школьные интриги

Борьба за свободу и право быть собой

Бунтарь на мотоцикле

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	43
Глава 5	57
Глава 6	72
Глава 7	89
Глава 8	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Глава 1

— К директору, мисс Лосс, немедленно.

Миссис Грей поднялась из-за учительского стола и протянула мне знакомый до боли доклад, над которым я корпела целую неделю. За спиной слышались смешки одноклассников и злобные шепотки.

— Выпускной год, а вы решили испортить себе все достижения такими глупыми поступками?

Я приняла дрожащей рукой доклад. Возле названия алела надпись: «Плагиат».

— Отправить на международный конкурс ворованную работу? — вскинула руками миссис Грей, круглые очки сползли с её длинного носа. — От вас я такого не ожидала. А если бы работа дошла до жюри и там бы вскрылся обман? Позор для школы! Живо к директору, глаза бы мои вас не видели.

Опустив голову, я сжала листки в кулаке и вышла в коридор, даже не взглянув на ту, кто так нагло подставила меня.

Как же я так просчиталась? Где ошиблась?

Я всегда считала, что если делать всё правильно, жизнь никогда не преподнесёт сюрпризов. Отличные оценки, скромность, безупречная репутация — моя броня и одновременно клетка. Я строила по кирпичикам свой облик, подстраивалась под окружение, чтобы стать той, кем меня хотели видеть родители: идеалом. А в итоге всё рассыпалось в

один миг.

Когда Элиза попросила одолжить мой ноутбук всего на пару минут, чтобы отправить доклад миссис Грей на почту, я и подумать не могла, что она отправит *мой*доклад.

Хитрая стерва. И как мне теперь доказать, что я ни в чём не виновата?

Директор Корелл не любит возиться с мелочами. Он вызовет родителей. Даже если я расскажу правду и мне поверят — это ничего не изменит. Черная тень уже накрыла меня с головой.

Идя по пустынному коридору, я представила лицо отца. Его ледяное спокойствие, которое страшнее крика. А затем припомнила, как затихает мать, когда он отчитывает меня.

Страх пробежался по позвоночнику колкими иглами.

Последний раз, когда я получила четверку по химии, меня лишили телефона на месяц и записали к психологу «для выявления причин снижения успеваемости».

Боюсь представить, что ждет меня после такого перфоманса.

Кабинет директора находился в конце западного крыла. Я шла туда, чувствуя, как внутренности сжимаются в тугой, болезненный узел. Если я не уговорю мистера Коралла не вызывать родителей в школу — мне конец. Возможно, отец снова…

Я замотала головой, отметая мрачные мысли. До сих пор я иногда ощущала на щеке фантомное жжение от пощечин,

которыми меня одаривали в детстве за малейшую провинность. Я — Вивьен Лив Лосс, наследница бизнес-империи Виктора Лосса, и я не имею права совершать ошибки. За них приходится слишком дорого платить.

Замерев у двери кабинета на мгновение, я постучала, а затем вошла. Директор сидел за столом и перебирал бумаги. Он взглянул на меня из-под лохматых бровей и устало вздохнул. Видимо, миссис Грей уже успела позвонить ему, чтобы я точно не подумала избежать наказания.

— Мисс Лосс, — начал он, отложив стопку бумаг в сторону и указав мне на стул перед собой. — Я, конечно, всё понимаю: выпускной год, экзамены, давление со всех сторон. Но…

— Я ни в чём не виновата, — сказала я, оставаясь стоять. Голос дрожал, но я пока держалась. — Меня подставили. Тот доклад был на самом деле мой, Элиза Хайнс украла его у меня. Поверьте, я…

— Мисс Лосс, — директор склонил голову к плечу и сложил руки перед собой в замок. — У вас есть доказательства?

Я опешила, не зная, что сказать. Показать ему дату создания файла на моём ноутбуке? Заставить Элизу показать свои исходники? Почему я вообще должна делать это? Почему одного моего слова никогда недостаточно?

— Я… — мой запал тут же потух, когда я заметила во взгляде директора недоверие.

— Мисс Хайнс ранее не была замечена за подобными под-

лостями, — мистер Коралл нервно постучал пальцами по столешнице. — А у вас, как мне известно, в последнее время трудности по многим предметам. Учителя говорят, что вы витаете в облаках на их уроках.

Я молчала, поджав губы.

— Зная, каким строгим может быть ваш отец, вы вполне могли рискнуть и пойти на хитрость, — продолжал директор. — Раз вы утверждаете, что невиновны, то я могу вызвать на беседу родителей мисс Хайнс и ваших, и тогда…

— Пожалуйста, не надо! — слова вырвались раньше, чем я успела их обдумать. — Пожалуйста, только не звоните им. Я сделаю что угодно. Напишу объяснительную, отработаю, возьму дополнительные задания. Только не родителям. Вы не знаете, какими они бывают. Прошу вас, хотя бы один раз, давайте решим всё без них.

Я не плакала. Я разучилась плакать в присутствии взрослых где-то в возрасте тринадцати лет, когда мама сказала, что «слезы — это инструмент слабых, а Лосс не бывают слабыми». Но горло сжалось так, что каждое слово давалось с болью.

Директор потёр переносицу, голос его теперь звучал гораздо мягче, чем раньше.

— Вивьен, твои родители помогают финансово нашей школе больше, чем кто-либо другой. Мистер Лосс звонит мне раз в неделю и спрашивает о твоих успехах, как я могу обмануть его и скрыть от него такой проступок дочери.

— Но...

— Разговор окончен, — мистер Коралл поднялся и достал телефон из кармана брюк. — Я позвоню твоему отцу, и мы решим, как поступить. Подожди здесь.

Он вышел в коридор, видимо, чтобы не видеть моего печального лица и не мучиться от приступов совести. Дверь закрылась. Я осталась стоять посреди кабинета, чувствуя себя так, будто меня только что окатили ведром с помоями.

Злость закипала внутри. Все учителя Арбонской старшей школы и даже директор боялись моего отца. Бежали к нему, чтобы выслужиться, доложить о каждом моём неверном шаге. «Ведь только сообща мы сможем сделать из неё достойного человека и не допустить впредь подобного скандала», — так сказал отец, когда я заняла второе место в школьных соревнования по лёгкой атлетике. Мне было восемь. И с тех пор я ненавижу бегать.

От закипающих чувств я сделала то, что никогда не делала раньше. Не выдержав, я пнула стул. Скрип ножки противно резанул по ушам.

— Если хочешь его сломать — бей сильнее.

Вздрогнув от незнакомого мужского голоса, я обернулась и впервые заметила, что не одна. В дальнем углу, за стеллажом с папками, стола парта. А за ней сидел парень.

Я знала, кто это. В Арбонской старшей школе невозможно не знать Леона Роуда. Он перешёл к нам в прошлом году и давно успел обрасти таким количеством слухов, что хвати-

ло бы на три мыльные оперы. Говорили, что его выгнали из предыдущей школы за драку. Что он живёт один, потому что родители давно махнули на него рукой. Всё, что знала о нём я, так это то, что его тело покрывали тату, а ещё у него был мотоцикл, на котором он влетает на парковку каждое утро, плюя на все правила.

И сейчас он сидел за партой, положив ногу на ногу, и с безмятежным видом жевал кусочек горького шоколада. На его лице не было ни насмешки, ни сочувствия. Он просто смотрел на меня тёмными, непроницаемыми глазами. Я смутилась, осознав, что во время моей слезливой речи, Леон был здесь и всё слышал.

— Ты... — выдохнула я. — Ты что здесь делаешь?

— Меня наказали, — ответил он ровным, низким голосом. — Вот, сочинение пишу: «Почему плохо нарушать правила». Шестой раз за месяц. Начинаю подозревать, что у мистера Коралла нет других тем.

Я ничего не ответила и просто пялилась на него в ответ, пока он отламывал ещё один кусочек шоколада. Над черной рубашкой на шее виднелись узоры тату, темные волосы неровными прядями спускались на загорелый лоб.

Никогда ещё я не разглядывала Леона так долго. Я поспешно отвернулась, чувствуя себя неловко. Таких парней родителей мне строго наказали избегать, и это единственное правило, с которым я беспрекословно соглашалась.

Дверь открылась. Директор вернулся, сунул телефон в

карман и посмотрел на меня с выражением, от которого мне захотелось провалиться сквозь пол.

— Тебя заберут после занятий, — сказал он. — А сейчас — садись рядом с Роудом. Оба напишите двадцать причин, почему плохо нарушать правила. У вас час.

Мне немного полегчало от того, что моё настоящее наказание несколько отсрочилось. Однако желудок болезненно скрутило, когда я представила, что может ждать меня дома. Ничего хорошего уж точно.

Я подошла к парте, и Леон придвинул мне стул, на который я скорее рухнула, чем села. Он протянул мне пустой лист и ручку, хотя я об этом его даже не попросила. Я с подозрением покосилась на парня, но тот уже принялся писать, как примерный ученик, под суровым взглядом директора.

Да, ну и денёк.

Буквально десять минут назад ничего не предвещало беды, а сейчас я сижу на расстоянии вытянутой руки с парнем, о котором говорили, что он однажды разбил нос кому-то только за то, что тот не так на него посмотрел.

Так низко я ещё не опускалась.

Я покрутила ручку в пальцах и посмотрела на пустой лист. Но взгляд мой то и дело обращался на Леона. Пахло от него не табаком и машинным маслом, как я ожидала, а душистым мылом и чем-то горьковатым, вроде крепкого кофе. На правой руке, чуть выше запястья, я заметила край татуировки — чёрные линии, уходящие под рукав рубашки.

Мне стало страшно. Но боялась я не Леона, а того, что он слышал, как я унижаюсь перед директором, и теперь он наверняка разнесёт по всей школе, что Вивьен Лосс — жалкая плакса. Тогда мою репутацию точно ничего не восстановит.

Леон молчал и что-то медленно писал. Директор вернулся к своей работе, погрузившись в бесконечные документы, что горой возвышались на его столе.

Так, мне нужно успокоиться и написать это дурацкое сочинение, чтобы поскорее уйти отсюда до того, как схвачу паническую атаку. Если Леон увидит, как меня выворачивает от нехватки воздуха, точно не избежать насмешек.

Не успела я приступить к заданию, как передо мной неожиданно возник кусочек шоколада.

— Будешь?

Я в недоумении подняла глаза на Леона.

— Н-нет, у меня аллергия, — затем внезапная мысль озарила мою бедовую голову, и я потянулась к угощению. — Хотя, может, так мне удастся оттянуть встречу с родителями.

Парень резко одернул руку и положил шоколад себе на язык.

— Нельзя, так нельзя, — с полным ртом произнёс он и отвернулся. — Со здоровьем точно шутить не стоит. Даже из-за требовательных родителей.

Я не знала, что ответить. Я посмотрела на Леона прямо, а он же выводил на листе корявым почерком буква за буквой с невозмутимым видом. Под глазами его залегли тени, волосы

были немного длиннее, чем позволял устав школы, на губах играла лёгкая полуулыбка. Но он смеялся не надо мной. Хотя мог бы, и именно такой реакции я ждала от отъявленного хулигана.

— Ты всё слышал? — спросила я тихо, потому что мистер Грей гневно зыркнул на нас из-за документов.

— Достаточно.

— И будешь теперь рассказывать всем, какая я жалкая плакса?

Леон перестал жевать. Посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, от которого у меня кожа лица зачесалась.

— Я ни с кем не разговариваю в школе, — сказал он наконец. — Ты не заметила?

Заметила. Все об этом знали. Леон Роуд — призрак на байке, что появляется из ниоткуда и исчезает в никуда.

— Зачем тогда предложил шоколад, раз ты такой нелюдимый? — спросила я глупо.

— Думал, в обморок упадёшь, когда директор ушёл звонить, — он кивнул в сторону мистера Грея. — Шоколад сахар поднимает, так что ты бы избежала очередного конфуза.

Он замолчал. Я смотрела на его профиль — прямой нос, острые скулы, чёткая линия подбородка, и думала: а вдруг все слухи о Леоне — ложь? Или я просто хочу верить в его доброту, потому что сейчас мне отчаянно нужен кто-то, кто не будет смотреть на меня как на лгунью?

— Напишешь за меня сочинение? — спросил он вдруг.

— Ты же отличница.

Я моргнула и отвернулась.

— Нет.

— Правильная, значит, — констатировал Леон без осуждения. И с усмешкой добавил: — Ладно. Придётся самому.

Я взялась за ручку. Первая фраза пришла сама собой: «Нарушать правила плохо, потому что это разрушает доверие». А дальше я застопорилась. В голове крутилось совсем другое: почему Леон не смеётся надо мной, как другие? Почему не спрашивает, надолго ли моя богатенькая мамочка лишит меня карманных денег?

Любой бы на его месте точно опустил какой-нибудь колкий комментарий. Я давно к этому привыкла. Всегда вижу ехидные ухмылки, когда оступаюсь.

В какой-то момент я украдкой взглянула на лист Леона. Он написал всего одно предложение: «Правила придумали, чтобы слабые чувствовали себя в безопасности».

Я сглотнула. Мне показалось, или это был намёк на меня?

Леон заметил мой взгляд и медленно, очень медленно повернул голову. Его тёмно-карие, почти чёрные глаза, встретились с моими. В них не было угрозы. Но и тепла тоже не было.

— Пиши, Вивьен, — сказал он негромко. — А то за час не успеешь. Твои родители наверняка не из тех, кто любят ждать.

Я вздрогнула и уставилась в свой лист. Сочинение я напи-

сала за сорок минут. И всё это время краем глаза следила за Леоном. За тем, как он отбивает пальцами ритм по парте, как смотрит в окно на серое ноябрьское небо, как иногда проводит пальцем по нижней губе. И где-то на двадцатой минуте я поймала себя на мысли, которая испугала меня больше, чем предстоящий разговор с отцом.

Мне было не страшно рядом с Леоном. Мне было любопытно.

А не проявлять любопытство, как известно, — это первое правило, которое хорошим девочкам нарушать нельзя.

Глава 2

Час в кабинете директора тянулся вечность. Мы с Леоном не издали больше ни звука, если не считать того, как он дважды зевнул, прикрывая рот ладонью, а я выронила ручку, слишком сильно надавив ею на бумагу, и потом ползала под партой, сгорая от стыда.

Одно сплошное унижение. Такова моя жизнь. Давно пора было привыкнуть.

Мистер Коралл проверил наши сочинения, хмыкнул что-то неодобрительное, глядя на работу Леона, но переделывать не заставил. Видимо, он привык к выходкам парня, раз так спокойно на них реагировал.

— Свободны. С тобой, Леон, мы ещё наверняка здесь встретимся, а вас, мисс Лосс, я надеюсь здесь больше не увидеть, — значительным тоном произнёс директор, а мне оставалось только кивнуть. — Вас уже ждут на парковке, так что бегите, и впредь будьте осмотрительнее.

Чтобы я хоть раз ещё кому доверилась? Да ни за что. Теперь к моим вещам смогу прикасаться только я. А Элиза…

Я поджала губы. Мне казалось, мы действительно подружились с ней за последний год. Но, видимо, со мной, куклой семьи Лосс, никто никогда не сможет дружить по-настоящему.

Попрощавшись с мистером Кораллом, я вылетела в пу-

стой коридор. Уроки уже закончились, чему я несказанно обрадовалась: меньше свидетелей моего позора. Хотя, завтра всё равно каждый будет знать, как провалилась заучка Вивьен, уж Элиза точно постарается. Придётся снова стать объектом школьных сплетен, пока они не найдут новую тему для разговоров. Как же «здорово».

Леон вышел следом, но даже не посмотрел в мою сторону и не сказал ничего на прощание. Он свернул в противоположном направлении, к спортзалу. Я на секунду замерла, провожая его взглядом, а потом одернула себя.

О чем ты думаешь, Вивьен? Не самая лучшая затея проникнуться симпатией к парню, который одарил тебя капелькой заботы. Особенно к Леону Роуду. Наверняка он посчитал меня жалкой, а про себя посмеивался, раз так просто ушёл.

Чего я вообще ждала?

Пофиг. Пусть все катятся в бездну.

Я забрала свою сумку из класса литературы, откуда меня вышвырнула миссис Грей, и поспешила на парковку. Я настолько разозлилась на весь мир, что даже на миг позабыла о страхе перед встречей с отцом. Но странно, что он не ворвался в кабинет директора и не отчитал меня прямо там, при всех, а передал мистеру Кораллу, что ждёт меня. Что-то тут не сходится.

Меня ждал черный «Мерседес» с затемненными стеклами. Машина отца. Сердце пропустило удар, пока окно с во-

дительской стороны медленно опускалось.

— Мисс Лосс, — кивнул мне Джонатан, личный помощник отца. Он сидел за рулём и радушно улыбался мне. — Садитесь, подброшу вас домой.

Я облегченно выдохнула. Если бы в машине был отец, Джонатан точно не вёл бы себя так расслабленно.

— Отец… он не приехал?

— Мистер Лосс срочно улетел в командировку этим утром. Новый контракт с зарубежными партнерами всё никак не хочет заключаться, так что потребовалось личное участие господина. Он вернется только через неделю. — Джонатан завел двигатель и указал подбородком на переднее сидение. — Ваша мать попросила меня забрать вас.

Я кивнула и села в машину. Неделя. Целая неделя без ледяных глаз за ужином, безвопросов о моих оценках, без этого тяжелого молчания, которое всегда предшествует буре. И хотя мне предстоял разговор с матерью — с ней было проще. К её безразличию и отстраненности мне было гораздо легче привыкнуть.

Ничего, как-нибудь справлюсь. Всегда справлялась.

Я опустила оконное стекло, впуская свежий осенний ветер, откинулась на спинку и закрыла глаза, чувствуя, как напряжение начинает понемногу отпускать. Машина плавно выехала со школьной парковки, и тут я услышала звук, от которого меня пробрало до костей.

Рев мотоцикла.

Я открыла глаза и увидела, как черная «Ямаха» поравнялась с нами слева. Леон сидел за рулем, без шлема, его волосы и рубашку трепал ветер, а лицо было таким беззаботным, что у меня сердце сжалось от зависти.

Он вдруг повернул голову к машине. Сначала я подумала, что мне показалось. Но нет.

Он подмигнул. Мне.

Его темные глаза на секунду встретились с моими, и уголок его губ дернулся в лукавой усмешке. А потом он рванул с места, оставляя за собой шлейф выхлопных газов и скрылся далеко впереди.

— Друг? — весело спросил Джонатан.

— Нет, — ответила я слишком быстро. — Просто учимся в одной школе.

Он промолчал, но в зеркале заднего вида я успела заметить, как Джонатан чему-то улыбнулся. А я же так и не сумела расслабиться до самого дома, прокручивая в мыслях раз за разом то, как Леон Роуд посмотрел на меня. Так, будто я не была пустышкой.

И всё же… Наверное, мне всего лишь хочется верить, что в этом дурацком городе есть хоть один человек, который узнает меня настоящую и не отвернётся, увидев, насколько пусто у меня внутри.

***

Дорога до дома заняла двадцать минут. Особняк семьи Лосс располагался на окраине Арбона, в элитном районе, где каждый дом стоил больше, весь остальной город вместе взятый. По соседству с нами жили представители немногочисленной элиты, но заборы вокруг их участков были такие высокие, что я мало с кем виделась, а друзей из своего круга так и вовсе завести не смогла.

Богатенькие родители предпочитали отдавать детей в престижные академии зарубежом или в столице. Мои же решили, что отдать дочь в обычную школу — верх гениальности.

«Лучше начинать с низов, Вивьен, — часто говорил отец. — Так ты поймешь, в чём преимущество твоего положения. В чём твоё превосходство».

Ага, как же. Оставили меня возле себя, чтобы было легче контролировать. Во всю эту философскую чушь я перестала верить ещё в детском саду.

Наш особняк — серый, строгий, с идеально подстриженными туями по периметру — выглядел скорее как корпоративный офис, чем настоящий дом. Я жила здесь с самого рождения, но так и не смогла привыкнуть к стерильной чистоте и правильности, что витала в воздухе, как ядовитые споры.

Я поблагодарила Джонатана за то, что он подвёз меня, переступила порог дома и поморщилась. Внутри всегда пахло лилиями. Мать обожала их и заказывала свежие цветы каж-

дые три дня. Этот сладковато-терпкий аромат смешивался с запахом полированного дерева и дорогих ковров, создавая атмосферу музея, где все экспонаты расставлены по местам, и никто не смеет их трогать.

Одним из таких экспонатов была и я.

Не успела я войти, как услышала ледяной голос матери.

— Вивьен, зайди в гостиную.

Я глубоко вздохнула, скинула сумку на пуф в прихожей и поплелась на зов.

Мама стояла у стены в гостиной и поправляла и без того ровно висящую картину.

Идеальная, как всегда. Ни единого седого волоска в темных волосах, ни морщинки на лице в сорок два года. Серое платье-футляр, жемчужное ожерелье, туфли-лодочки. Даже дома она выглядела так, будто собиралась на светский прием.

— Здравствуй, мама, — сказала я тихо, опершись о стул, чтобы чувствовать хоть какую-то поддержку, пусть и от бездушного дерева.

— Мы не виделись всего несколько часов, не нужно этих церемоний. — Она наконец повернулась ко мне. — Отец звонил, рассказал о звонке директора. Я жду объяснений.

Я незаметно, за спиной, сжала ладонь в кулак. Как будто я преступница какая. Неужели во всех семьях так? Разве сложно проявить хотя бы немножечко доверия к собственному ребенку?

— Это неправда, — сказала я, особо ни на что не надеясь. — Меня подставили. Элиза Хайнс…

— Я не спрашиваю, правда это или нет. — Мать подошла ближе, и я почувствовала знакомый запах ее духов — дорогой, резкий, почти удушающий. — Ты нас разочаровала, Вивьен. Ты показала кому-то свои слабости, и ими поспешили воспользоваться. Ты позволила впутать себя в какие-то грязные дела в выпускном классе, когда на кону твоё поступление в университет. Это что, твой запоздалый подростковый бунт так проявляется? Разве этому мы тебя с отцом учили?

Я опустила голову, рассматривая узор на ковре. Как будто мне было бы позволено бунтовать, как всем нормальным подросткам.

— Но сейчас речь не об этом, — продолжила мать, и в ее голосе появились деловые нотки. — В субботу у нас будут гости. Я уже попросила Марлис подготовить для тебя платье и аксессуары, чтобы ты выглядела превосходно, без единого изъяна.

Я подняла глаза. В моей семье домой приглашали лишь богатых инвесторов, партнеров отца и членов семьи. Обычно мама предпочитала проводить благотворительные ужины и закрытые приемы для избранных на нейтральной территории.

— Кто придет? — спросила я без особого интереса.

— Так, несколько близких друзей и мэр. — Мать поправила жемчужное ожерелье на шее. — А также его сын.

Я замерла.

— У него есть сын?

Ричард Блэкторн, мэр Арбона, всегда появлялся на публике либо с женой, либо с тремя дочерьми. Мне частенько приходилось сталкиваться с их семьей на званых вечерах, но я никогда даже не слышала, чтобы у мэра были ещё дети. И в школе никаких слухов об этом не встречала. Странно всё это.

— Есть, — ответила мать спокойно. — Вы с ним ровесники. Он недавно вернулся из-за границы, кажется, он учился в бизнес-школе в Лозанне.

— И почему же я о нём раньше ничего не слышала? Почему мэр скрывал сына всё это время?

Мать посмотрела на меня так, будто я спросила что-то неприличное.

— Не знаю. — Раздражение мелькнуло на её лице. — Вот и спросишь у него об этом в субботу.

И тут до меня дошло.

Мама пригласила личного стилиста, Марлис, чего раньше не делала, предпочитая одевать меня самой. Гости соберутся у нас дома, что тоже редкость. Сын мэра, который внезапно появился из ниоткуда. И мать со своим «спросишь у него», как будто это само собой разумеющееся, что я буду разговаривать с этим парнем, знакомиться, улыбаться, очаровывать его.

— Так вы с отцом уже все решили, — сухо констатировала

я.

Мать не ответила. Но ее молчание было громче любых слов.

— Я даже не знаю его имени, как он выглядит, — попыталась возразить я. — Ты не можешь просто взять и…

— Могу, Вивьен. — Она шагнула ко мне, и теперь разделявшее нас расстояние сократилось до вытянутой руки. — И не только могу, но и должна. Даже если ты невиновна в этой ситуации с докладом, репутация семьи пошатнулась. Твой отец в ярости. Но мы с ним договорились, что пока он в командировке, я займусь исправлением ситуации.

— При чем здесь сын мэра? — мой голос дрогнул.

— При том, что Блэкторны — известная семья не только в Арбоне, но и в столице. Когда ты понравишься мальчику, и между вами завяжутся отношения… — мать сделала паузу, подбирая слова. — Это укрепит наше положение. И заодно покажет всем, что Вивьен Лив Лосс — образцовая девушка из хорошей семьи, раз на неё положил глаз сын такого почтенного человека, а не какая-то обманщица, ворующая чужие работы.

Я смотрела на нее и чувствовала, как внутри разливается пустота. Холодная, тягучая, разъедающая.

Она говорила обо мне так, будто меня не было в комнате. Будто я не человек, а инвестиция. Актив, который нужно выгодно вложить. Познакомиться с сыном мэра, понравиться ему, завязать отношения — это все звучало как бизнес-план,

а я в нём лишь ценная переменная.

— А если он мне не понравится? — спросила я тихо.

Мать на секунду опешила, а потом улыбнулась. От этой её улыбки у меня всегда живот в узел сворачивало.

— Ты умная девочка, Вивьен. Думаю, давно должна была понять, что твои личные симпатии не имеют значения. Никогда не имели.

Она развернулась и пошла к лестнице, бросив через плечо:

— Ужин через два часа. Приведи себя в порядок. И пожалуйста, не заставляй меня жалеть, что я не отправила тебя в интернат, как предлагал твой отец два года назад.

Дверь гостиной закрылась за ней с мягким, почти ласковым щелчком. Я стояла на пушистом дорогом ковре, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

Интернат. Отец предлагал отправить меня в интернат.

Два года назад. Как раз тогда я получила четверку по химии, и они впервые отвели меня к психологу. Оказывается, тогда все было гораздо серьезнее. Оказывается, они всерьез хотели сплавить меня подальше, чтобы я не портила им репутацию своим присутствием.

В субботу вечером я буду стоять в дорогом платье, улыбаться незнакомому парню и делать вид, что мне это интересно. Родители даже не подумали о том, что я могу быть ему противна. Потому что Вивьен Лосс не имеет права на «не нравится». Они слишком много вложили в меня, чтобы

верить, будто это всё имеет какой-то смысл.

Я вдруг вспомнила Леона и его слова, написанные на помятом листе бумаги: «Правила придумали, чтобы слабые чувствовали себя в безопасности».

Может быть, он прав? Может быть, я слабая именно потому, что всю жизнь подчинялась правилам?

Я осела на пол, обхватила колени руками, и уставилась в одну точку.

В груди защемило. Так, будто внутри завелся маленький, очень уставший зверек, который больше не хочет прятаться в клетке. Но выйти наружу боится.

Где-то вдалеке послышался рев мотоцикла — далекий, почти призрачный.

Я закрыла глаза и представила, как Леон едет по городу, и ветер треплет его волосы, а на лице нет ни капли сомнения в том, что он делает. Он ни перед кем не отчитывается. Никому не должен нравиться.

Свободный.

Таким словом я бы описала его.

А что, если бы я была свободной? Что, если бы я могла просто взять и отказаться от этого ужина, от этого сына мэра, от всех правил, которые меня душат?

Я не знала ответа. Но впервые за долгое время мне захотелось его узнать.

Глава 3

Ночь я провела, ворочаясь с боку на бок. Как бы ни пыталась мысленно подготовить себя к новому дню, то и дело перебирала в голове все возможные сценарии, и все они были проигрышными.

Где-то в три часа утра я сдалась, села на кровати и уставилась в стену, предвкушая, сколько критики своей внешности услышу завтра от матери.

«Ты выглядишь уставшей, Вивьен. Это неприлично».

Плевать.

Впервые мне захотелось позволить себе эту роскошь — плевать на мнение родителей. Пусть увидят, во что превращает меня их забота.

Я сама удивлялась своим бунтарским мыслям, они были мне совершенно несвойственны. Это на меня один день общения с Леоном так повлиял? А если бы я начала с ним общаться чаще, что случилось бы тогда?

Я замотала головой. Нет, глупости какие. Разве такие, как он, когда-нибудь захотели бы общаться с такими, как я? Мы слишком разные.

Утром я спустилась вниз раньше обычного. Кухня встретила меня запахом свежего кофе и выпечки. Франциск, наш повар, уже хлопотал у плиты, но я отказалась от завтрака: от одного вида еды меня тошнило. Схватила яблоко, сунула в

сумку и вышла на улицу, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить мать и не выслушивать её нотаций.

Утро было серым и промозглым. Ноябрьский ветер бросал в лицо мелкие колючие капли, и я куталась в шарф, стараясь не думать о том, что ждёт меня в школе. Ничего хорошое, это точно.

Джонатан молчал всю дорогу, пока подвозил меня, за что я была ему безумно благодарна. Он единственный из моего окружения, кто пытался хотя бы немного быть со мной дружелюбным. Однако и Джонатан часто подставлял меня, рассказывая отцу каждую мельчайшую деталь из моей жизни, которую счёл бы подозрительной.

Арбонская старшая школа встретила меня привычным гулом. Я вошла в холл, и первые же взгляды, брошенные в мою сторону, подтвердили мои худшие ожидания: новость о вчерашнем провале уже разлетелась. Две девчонки из параллельного класса о чём-то перешёптывались, поглядывая на меня с плохо скрываемым любопытством. Парень из футбольной команды хмыкнул, когда я прошла мимо, и что-то шепнул своему другу.

Я опустила голову и ускорила шаг.

Ничего нового. Я привыкла.

Первый урок прошёл, как ни странно, спокойно. Наверное, потому что двойняшки Хайнс, Элиза и Демиан, почему-то отсутствовали. Миссис Харрисон, как всегда, монотонно вещала о скучных исторических фактах, а я сидела за

партой, уставившись в конспект, и не видела ни строчки. Вокруг меня шелестели голоса одноклассников. Они бросали косые взгляды, но никто не подходил ко мне. Никто не спросил, правда ли это. Никто не выразил сочувствия.

Почему я вообще ждала другого?

Едва дождавшись звонка, я вышла в коридор, стараясь не выглядеть так, будто сбегаю, и спряталась за колонной у окна. За стеклом моросил дождь, по асфальту бежали грязные ручейки. Я смотрела на серое небо и думала о субботнем ужине. О сыне мэра, чьего имени я до сих пор не знала. О том, как буду стоять перед ним в платье, которое выбрала не я, и улыбаться так, будто мне это нравится.

— Лосс!

Я вздрогнула и обернулась. Мимо пробегал физрук, мистер Дейвис, и кивнул мне на ходу:

— Чего нос повесила? Последний год как никак, радоваться надо!

Я улыбнулась, заражаясь его веселостью. Мистер Дейвис только окончил педагогический и ещё не успел стать тем грустным взрослым, который позабыл, что значит быть подростком. И пусть физкультуру я ненавидела, но именно на его уроках могла порой расслабиться и выдохнуть.

Так, ну всё. Хватит киснуть. Всё оказалось не так плохо, как я думала. Если так и дальше пойдёт, то время пролетит незаметно, и все забудут о моём дурацком докладе.

Расправив плечи, я направилась к классу математики, как

тут заметила у лестницы Леона. Он стоял на ступеньках, прислонившись к перилам, и смотрел в телефон. Чёрная толстовка, джинсы, наушники в ушах — никакого соблюдения правил школы и дресс-кода.

Сглотнув, я вцепилась пальцами в ручку сумки и начала подниматься. Леон не поднял головы, когда я проходила мимо, даже не шелохнулся. Просто продолжал листать ленту с непроницаемым лицом, словно мы незнакомцы.

Я на секунду замерла, ожидая… Чего? Что он подмигнёт мне снова? Или хотя бы взглянет? А может, поздоровается и спросит, как у меня дела?

Глупо. Что-то уж слишком много надежд я начала возлагать на тех, кто совершенно мне ничем не обязан.

Второй урок — алгебра. Третий — биология. Всё шло как обычно: учителя задавали вопросы, я отвечала, получала свои законные пятёрки, но чувствовала себя роботом. Бездушной машиной, которая выполняет программу. Классная доска, мел, цифры, формулы — всё это плыло перед глазами, и я с трудом заставляла себя концентрироваться.

К обеду я уже чувствовала себя выжатой. Голова болела, мысли путались. Меня жутко тошнило, но я заставила себя пойти в столовую. Не хватало ещё вернуться к старой проблеме с пищевым поведением и вновь оказаться в кабинете психотерапевта. От одного воспоминания о его рыбьих глазах и потных пальцах у меня начинала зудеть кожа по всему телу.

Столовая походила на пчелиный улей. Запах тушёной капусты и котлет ударил в нос, и я поморщилась. Гигантская очередь тянулась к раздаточной, поэтому я решила сначала найти свободный столик где-нибудь в углу, подальше ото всех.

Я выбрала привычное место у окна, положила сумку на стул и пошла за подносом, не глядя на остальных, но чувствуя их липкие взгляды. С самого первого моего дня в школе я ни на миг не оставалась незаметной. Все только и делали, что ждали, когда я провалюсь, чтобы повысить свою самооценку. «Если даже дочь богатеев такая неудачница, то чем я хуже?» — так они наверняка думали, наслаждаясь моими провалами.

— О, смотрите, кто пришёл, — раздался сзади голос, от которого у меня всё внутри перевернулось.

Элиза.

Я медленно обернулась. Элиза Хайнс стояла у стойки с салатами, а рядом с ней возвышался её брат-двойняшка, Демиан. Оба — с каштановыми волосами, тёмными глазами и ангельскими личиками, которые могли обмануть кого угодно. Но не меня.

— Привет, Вивьен, — пропела Элиза, улыбаясь так сладко, что у меня скулы свело. — Как спалось после вчерашнего? Говорят, директор вызывал твоего папочку. И что же, не поедешь этим летом отдыхать на море? Или у тебя отберут кредитку на неделю?

Я промолчала, взяла поднос и двинулась к раздаточной линии. Какой смысл вступать в перепалку? Чтобы она опять всё вывернула в свою сторону, выставив меня дурой? Я никогда не была сильна в словесных баталиях. Так что лучше притворяться дальше, будто меня не пожирает изнутри её предательство.

— Ты чего молчишь? — Демиан перегородил мне дорогу. Он был широкоплечим и почти на две головы выше меня. Баскетболисты Арбонской школы все выглядели как куски от одной скалы. — Сказать нечего?

Конечно, кто ещё мог надоумить Элизу поступить со мной так подло. Демиан всегда меня недолюбливал по какой-то неясной мне причине, так что всё время пытался хоть как-

то насолить. Однако раньше Элиза защищала меня от брата, а теперь переметнулась на его сторону. Если вообще вся эта история дружбы со мной не была изначально продуманным планом Демиана.

— А что мне тебе сказать? — я старалась говорить спокойно, хотя внутри всё кипело. — Спасибо, что подставили? Или поблагодарить за то, что Элиза украла мой доклад с моего ноутбука?

Элиза рассмеялась звонко и наигранно, привлекая к себе внимание. И она добилась своего. Соседние столики затихли, ученики обернулись на нас в ожидании представления.

— Подставили? — Элиза прижала руку к груди, изображая невинность. — О чём ты, Вивьен? Я просто хотела помочь тебе с настройками почты. Это ты настолько не уверена в себе, что решила украсть чужую работу. Как только совесть не мучает?

Надоели. Как они все мне надоели.

— Это была моя работа, — сказала я тихо, но твёрдо. — Ты знаешь это. Я знаю это. И если бы мы разбирались по-честному, выяснилось бы, кто виноват на самом деле.

— Ой, да ладно, — Демиан положил руку на моё плечо и сжал его. — Ты же умная девочка, Лосс. Зачем позориться? Признай ошибку, извинись перед нами, и так и быть, мы не станем раздувать конфликт дальше.

«Нами»? А перед ним я за что извиняться должна?

Я сбросила его ладонь и шагнула назад.

— Не трогай меня. Держи свои руки при себе.

— Какая недотрога! — Элиза подмигнула кому-то из зрителей. Её голос стал громче и гораздо театральнее. — Ты думаешь, если твой папа миллионер, тебе всё сойдёт с рук? Что можно воровать чужие работы, потому что папочка заплатит и никто не узнает? У нас тут, знаешь ли, не элитная академия для мафиози.

— Я не воровала, — повторила я, чувствуя, как голос начинает дрожать. Чего им всем от меня надо? Почему просто не оставят в покое?

— Докажи, — бросил Демиан, сложив руки на груди.

Я оторопела. Доказать? Как? Я смотрела в их насмешливые лица и понимала, что они только и ждут, когда я начну унижаться. Хотят, чтобы я сломалась.

— Ничего не можешь сказать? — Элиза наклонила голову набок, как любопытная птица. — Тогда, может, при всех извинишься? Скажешь, что ты лгунья и обманщица. И, может быть, мы с братом подумаем, стоит ли рассказывать директору о других твоих «подвигах».

У меня перехватило дыхание. Каких ещё подвигах? Их не было. Но Элиза говорила так уверенно, будто у неё в рукаве припрятан ещё один козырь. И судя по тому, как блестели её глаза, она действительно что-то задумала. Да что я ей такого сделала? Почему она так поступает со мной?

— Я не буду извиняться за то, чего не делала, — выдавила я.

— Ну и пожалуйста, — пожала плечами Элиза. — Тогда мы сами решим, что с тобой делать.

Она шагнула ко мне, и я инстинктивно отступила, ударившись спиной о стойку с салатами. Демиан встал с другой стороны, блокируя отступление. Несколько человек уже доставали телефоны, чтобы снимать.

— Отойдите от меня, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал угрожающе, но ничего не получалось. — Сейчас же.

— Или что? — усмехнулся Демиан. — Позовёшь папочку? Давай, докажи, что без его денег ты ничего не стоишь.

Они стояли слишком близко. Элиза улыбалась, а я чувствовала, как поднимается паника — липкая, удушающая. Если я сейчас не уйду, они не остановятся, будут давить, пока не добьются своего. Или пока кто-нибудь не вмешается.

Но кто вмешается? Кому есть до меня дело?

В этот момент в дальнем конце столовой что-то грохнуло. Все разом повернули головы.

Поднос с едой валялся на полу вместе с разбитой тарелкой и стаканом. А над ним стоял Леон, глядя на утраченный обед с выражением искреннего сожаления.

— Ой, — сказал он громко, так, чтобы слышали все. — Чёрт, какой же я неловкий.

В столовой повисла тишина.

Леон Роуд, хулиган-интроверт, стоял посреди прохода и смотрел на разлитое пюре так, будто это была трагедия всей его жизни.

— Простите, пожалуйста, — добавил он, поднимая глаза и обводя взглядом учеников. Его голос звучал спокойно, почти дружелюбно. — Правильно мама говорила, что у меня руки не из того места растут.

Несколько человек нервно засмеялись. Кто-то из младшеклассников неуверенно подал голос:

— Ничего страшного, со всеми бывает.

Я смотрела на Леона, и в груди у меня что-то сжалось.

Он сделал это специально.

Я не знала, откуда взялась эта уверенность, но я на интуитивном уровне чувствовала, что Леон не случайно уронил поднос.

Но зачем?

Мы ведь не в тех отношениях, чтобы он хотел меня защищать. Мы вообще ни в каких отношениях. Вчера он просто сидел рядом, потому что так распорядился директор. Сегодня он даже не взглянул на меня. А теперь вдруг такая забота?

Может быть, мне просто кажется. Может быть, это случайность, и я ищу смысл там, где его нет.

Элиза отшагнула от меня и покосилась на брата. Демиан нахмурился и скривил губы в недовольстве, сверля Леона пристальным взглядом.

— Забудь, — бросил он сестре. — Не здесь.

— Но…

— Я сказал: забудь.

Двойняшки Хайнс отошли, но недалеко — уселись за столик у стены и продолжили поглядывать на меня, перешёптываясь. Однако я уже не обращала на них внимания. Я смотрела на Леона, который медленно подошёл к стойке, взял новую тарелку и принялся накладывать еду, как ни в чём не бывало.

Ничего не понимаю.

Я взяла свой обед, прошла к свободному столику в углу, села и уставилась в окно. Дождь всё так же моросил. За стеклом пробегали редкие прохожие с зонтами. В столовой снова загудели голоса, обсуждая случившееся.

Ни дня без приключений, Вивьен. Если так и дальше пойдёт, как я смогу дожить до конца года?

Раздался скрип ножек стула по полу, а потом напротив меня кто-то сел.

Я подняла глаза.

Леон.

Он поставил перед собой тарелку, взял вилку и начал есть, не глядя на меня. Его лицо было таким спокойным, будто он всегда садился за один столик с девушкой, которую только что публично унижали одноклассники.

— Ты… — начала я.

— Не за что, — перебил он, не поднимая головы.

Значит, мне не показалось.

— Зачем ты это сделал? — спросила я тихо, чтобы никто не услышал.

Леон положил в рот кусок котлеты, прожевал и только потом ответил:

— Сказал же: неловкий.

— Ты не неловкий.

— Откуда знаешь? — Он наконец поднял глаза, и я увидела в них ту же непроницаемую темноту, что и вчера. Но теперь мне показалось, что на дне этих глаз мерцает что-то живое. Что-то, что он старательно прячет за маской безразличия.

— Разве за неловкими парнями бегает тренер баскетболистов, мечтая заманить их в свою команду?

Леон коротко усмехнулся, даже не спросив, откуда мне известно, что мистер Дейвис мечтает заполучить его к себе в команду. А я всего лишь один раз удачно подслушала разговор тренера с директором.

— У него выбора особо нет. Среди старшеклассников одни сплошные зубрилы, вот он и ухватился за меня.

— Зачем ты пытаешься выкрутиться? — неожиданно смело спросила я, устав от вечных недомолвок и лицемерных улыбок окружающих. — Почему не скажешь правду, разве это так сложно? Ты ведь знать не знал о моём существовании до вчерашнего дня, а сейчас заступаешься, хоть и незаметно. Почему?

Он перестал жевать от моей настойчивости. Я даже не заметила, как навалилась на стол, жадно ожидая от него ответа.

— Ты слишком много думаешь, Вивьен, — сказал он на-

конец, и в его голосе не было насмешки.

— А ты слишком хорошо притворяешься, — ответила я, ударяя наугад. И его бесстрастное лицо ясно говорило, что я не попала в больную точку Леона Роуда. Если они вообще у него были.

Мы замолчали.

Морось переросла в промозглый ливень. В столовой звенели голоса и вилки, кто-то громко смеялся над шуткой. Но между нами, за этим маленьким столиком, повисла тишина. Тяжёлая и в то же время странно уютная.

Я косилась на Леона, на его тёмные волосы, упавшие на лоб, на руки с татуировками, и думала: может быть, я ошиблась. Может быть, Леон Роуд — не призрак, а человек, который научился быть невидимкой, потому что другим способом выжить в этом мире нельзя.

Глава 4

Суббота наступила быстрее, чем мне того хотелось.

Всю неделю я жила как в тумане: уроки, перемены, перешёптывания за спиной. Элиза больше не подходила ко мне так же, как и Демиан. После того случая в столовой они словно взяли паузу, но я чувствовала на себе их взгляды каждый раз, когда проходила мимо. Они выжидали подходящего момента, и это было хуже, чем открытая травля.

С Леоном всё было странно. После обеда во вторник мы больше не разговаривали. Я по-прежнему встречала его в коридорах, он смотрел в окно или в телефон, а когда наши взгляды случайно встречались, первым отводил глаза.

Я ловила себя на мысли, что жду чего-то. Но чего? Мы не друзья и даже не приятели. Просто два человека, которых судьба столкнула в кабинете директора, а потом свела за одним столиком в столовой. Случайность, не больше.

И всё же по ночам я прокручивала в голове все наши немногочисленные беседы, пытаясь отыскать в них какой-то скрытый смысл. Наверное, Леон прав — я слишком много думаю.

В субботу утром Марлис принесла платье и устроила финальную примерку под пристальным прищуром матери.

Я стояла перед зеркалом в своей комнате, а стилистка кружила вокруг меня, поправляя складки и подол. Платье было

длинным, тёмно-синего цвета, с открытыми плечами и узкой юбкой, которая облегала мои бёдра слишком сексуально для простых бесед с сыном мэра. На шею мама повесила мне своё жемчужное ожерелье — как ошейник для декоративной собачки, которая должна послушно исполнять приказания.

Я смотрела на своё отражение и не узнавала себя. Светлые волосы спускаются на плечи, блестящие от хайлайтера, лицо покрыто слоем тонального крема, чтобы скрыть синяки под глазами. Я выглядела как кукла. Дорогая и полая внутри.

— Вы прекрасны, мисс Лосс, — сказала Марлис, отступив на шаг, чтобы оценить результат. — Гости будут в восторге.

Гости. Она наверняка подразумевала одного единственного. Родители не первый раз пытаются навязать мне парня из детей своих партнёров, но впервые они так основательно подготовились, чтобы преподнести меня на блюдечке младшему Блэкторну.

Я так и не узнала его имени. Мать отмахивалась, когда я спрашивала, будто и сама не знала, кого пригласила в свой дом. Раз уж ей всё равно, то почему я должна нервничать? От моего мнения всё равно ничего не зависит, так чего выдавливать из себя драму и вести себя как капризный подросток?

В шесть вечера дом начал наполняться людьми. Не слишком важными, так что мне позволили перевести дух в своей комнате, чтобы к прибытию Блэкторнов не предстать перед ними потрёпанной.

Я слышала из своей комнаты, как мать встречает гостей

внизу. Её звонкий голос, приторно-сладкие приветствия, шуршание дорогих тканей, живую музыку. К восьми прибыли первые важные персоны, о чём мне с восхищением сообщила служанка: какой-то банкир с женой, за ними — владелец сети отелей, потом ещё кто-то, чьё имя мелькало в экономических новостях.

Выйдя на лестницу, я смотрела на них, скрытая тенью, и чувствовала себя злобным привидением.

Все эти люди улыбались, пожимали руки, обменивались ничего не значащими фразами о погоде и курсе акций. Никто из них не был здесь по-настоящему. Они пришли из-за связей, из-за денег, из-за возможности что-то выторговать для себя. И я была частью этой сделки.

— Вивьен, спускайся, — раздался добродушный голос матери из гостиной, которым она никогда не говорила со мной наедине. — Покажись нам.

Я глубоко вздохнула, поправила платье и шагнула вниз.

Гостиная сияла. Хрустальные люстры, белые скатерти, серебряные приборы. Мать не поскупилась — стол ломился от угощений. Я прошла по комнате, улыбаясь каждому, кивая, пожимая протянутые руки. «Как вы выросли, мисс Лосс», «Какая прелесть, просто копия вашей мамы», «Мы так много слышали о ваших успехах».

Успехах. Как будто им вообще было до меня дело.

Отец на все их комплименты в мой адрес точно лицом бы покривил. Одно радует, что его здесь нет. Под его ле-

дяным взглядом я бы непременно совершила какую-нибудь глупость.

К половине девятого собрались почти все приглашённые, а также сам мэр с супругой, но без сына. Мама тут же подвела меня к чете Блэкторнов, едва они переступили порог. Мэр был высоким атлетичным мужчиной, его фигура до сих пор сохраняла следы спортивного прошлого, а в тёмных волосах не виднелось ни волоска седины. Миссис Блэкторн благоухала. Но не той бездушной приторностью, свойственной жёнам богатых мужчин, а естественной красотой хороших генов и безбедной жизни.

Они оба нравились мне, как и их дочери, с которыми я иногда играла в детстве, пока девушки не разъехались кто куда. Блэкторны единственные из знакомых родителей, кто казались мне настоящими.

— А где же ваш сын? — словно невзначай поинтересовалась мама. — Неужели не придёт?

Мэр пожал плечами с широкой улыбкой:

— Опаздывает, как всегда. Он так и не перевёл свои внутренние часы на Арбонское время после возвращения из Лозанны.

Мама натужно рассмеялась, но таким смехом в высшем обществе никого не удивишь. Как и лицемерием.

Без четверти девять гости начали поглядывать на часы. Мистер Блэкторн нервничал и то и дело проверял телефон. Мать сохраняла ледяное спокойствие, но я заметила, как она

сжала бокал с шампанским чуть сильнее обычного.

Может, всё обойдётся?

Надежда щекотала в пустом желудке. Я так и не съела ни крошки от волнения, так что теперь меня подташнивало. Но если младший Блэкторн не придёт, можно будет расслабиться. Родителям без сомнения не понравится такой кандидат в мои женихи, который игнорирует их приглашения.

В девять часов раздался звонок в дверь.

Мать выдохнула, едва заметно, но я услышала. Мэр расправил плечи, а миссис Блэкторн подмигнула мне, будто мы с ней были соучастницами какого-то заговора. Гости затихли, все взгляды обратились к входной двери.

Я стояла у камина, поправляя бретельки платья, и прогоняла в мыслях, как буду улыбаться. Как буду говорить о том, как прекрасен этот вечер, смеяться его глупым шуткам, чувствуя, как скручиваются внутренности.

В горле пересохло, и я ухватила с подноса официанта бокал с шампанским.

Дверь открылась, и вошёл он. И мир вдруг перестал существовать.

Я смотрела на него, и мозг отказывался верить тому, что видят глаза. Строгий чёрный костюм, чёрная рубашка. Волосы зачёсаны назад, ни следа привычной небрежности. Он стоял на пороге, держа в руках букет белых лилий — тех самых, которые ненавидела я и обожала моя мать, — и улы-

бался такой правильной улыбкой, что я не сразу узнала его.

Леон. Роуд.

Сын мэра.

У меня подкосились ноги.

— Наконец-то, Леон, — мистер Блэкторн шагнул к сыну и похлопал его по плечу. — Мы как раз начали обсуждать с мистером Элгером последнюю игру «Граппа». Я уверен, что Фредерик Бельман и в этом году приведёт команду к победе.

— Извините за опоздание, — Леон протянул матери букет с ослепительной улыбкой. В его голосе сейчас не было той ленивой усмешки, с которой он всегда разговаривал. Только безупречная вежливость. — Пробки.

Мать приняла цветы и вежливо отмахнулась, позабыв обо всём, кроме главной цели вечера.

— Леон, дорогой, мы так рады, что ты пришёл. Твой отец столько о тебе рассказывал. — Она взяла его под руку и повела в гостиную. — Как же здорово, что арбонское общество пополнилось таким чудесным юношей. А вот и наша Вивьен. Думаю, вам будет гораздо интереснее вдвоём, чем в нашей скучной взрослой компании.

Мама подвела его ко мне, и мы встретились глазами.

Я не могла пошевелиться. Не могла выдавить ни звука. Смотрела на Леона и чувствовала, как ускользает реальность. Куда делись его татуировки? Их не было видно ни на шее, ни на запястьях.

Он всё это время притворялся, скрываясь под другой фа-

милией. Но зачем? И почему никто в Арбоне не прознал, что сын мэра притаился среди обычных учеников старшей школы?

— Мисс Лосс, — произнёс Леон, и его губы дрогнули в лёгкой, едва заметной усмешке. — Очень приятно познакомиться.

Он протянул руку.

Я смотрела на его ладонь и не могла заставить себя пожать её. Слишком много мыслей крутилось в голове. Слишком много вопросов. Как? Почему? Что происходит?

— Вивьен, — голос матери прозвучал как хлыст. — Поздоровайся с молодым человеком.

Я заставила себя улыбнуться. Потом буду думать, когда останусь в одиночестве.

— Приятно познакомиться, — выдавила я и вложила свою ладонь в его.

Пальцы Леона были тёплыми и сильными. Он сжал мою руку чуть дольше, чем требовали приличия, и я почувствовала, как по коже побежали мурашки.

— Взаимно, — сказал он, и в этом коротком слове мне послышалось что-то ещё. Что-то, что предназначалось только мне.

Мать напоследок выразительно приподняла брови и отошла, увлекая гостей к столу. Я осталась стоять напротив Леона, чувствуя, как горят щёки. Почему мы так часто сталкиваемся в последнее время? Слишком уж странные совпадения.

— Удивлена? — спросил он тихо, чтобы никто не слышал.

— Сам как думаешь? — ответила я сквозь зубы. — Что всё это значит?

Он усмехнулся, теперь уже открыто, но так, чтобы никто из присутствующих не заметил. Однако на нас посматривали с нескрываемым любопытством. Мы будто были на лабораторном столе под ярким светом ламп и десятком микроскопов. Любая неловкость — и нас станут обсуждать все, кому не лень.

— Я всё тебе расскажу. А пока давай подыграем местным правилам, — прошептал Леон, склонившись надо мной, а затем выпрямился и произнёс громче: — Вы прекрасно выглядите сегодня, мисс Лосс. Это платье вам очень идёт.

Я моргнула, не понимая, как он так быстро переключается. Ещё секунду назад он был насмешливым Леоном Роудом, которого боялась вся школа, а сейчас передо мной стоял благовоспитанный сын мэра, говорящий правильные слова правильным тоном.

— Благодарю, — ответила я, стараясь не отставать в актёрском мастерстве. — Вы тоже… очень элегантны, мистер Блэкторн.

— Получить комплимент от такой красивой девушки — дорогого стоит, — произнёс он, и в его глазах мелькнул огонёк.

Я почувствовала, что краснею. И ненавидела себя за это.

Леон отставил локоть, приглашая взять его под руку, и я,

помедлив, согласилась. Он водил меня по гостиной, общался с гостями, обменивался с ними шутками и лестью. Мне оставалось только кивать с улыбкой и иногда поддакивать, когда ко мне обращались.

Гости умилялись нам, говорили, что мы прекрасно смотримся вместе, и когда эти слова долетали до моей матери, та довольно кивала, будто всё шло так, как она и задумывала. Впрочем, как и всегда.

Мы играли свои роли безупречно.

— Что происходит? — прошипела я, когда мы с Леоном выполнили необходимые условности и отошли к окну, где никто не мог нас слышать. — Ты — сын мэра? Серьёзно?

— А ты думала, я просто хулиган с мотоциклом? — ответил он, присев на подоконник и засунув руки в карманы брюк.

— Я о тебе вообще не думала, — соврала я. — Да и как я могла даже предположить, кто ты на самом деле, если в школе ты притворяешься другим человеком?

— Мы оба притворяемся, Вивьен, — сказал он, искоса взглянув на меня. — Ты — тихоней-отличницей из хорошей семьи. Я — проблемным подростком, на которого всем плевать. Разница лишь в масках.

Я молчала, потому что он был прав. Будь моя воля, я давно бы наплевала и на оценки, и на репутацию. Для меня это всё ненужная обёртка, которая почему-то так важна моим родителям.

— Ладно я, со мной всё понятно, — я приблизилась к Леону, вглядываясь в его отстранённое лицо. — А ты зачем притворяешься? Неужели и твои родители такие же строгие, как мои? Ты решил показывать свой протест открытым бунтом?

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, от которого у меня мурашки по спине забегали. Что у него за сверхспособность такая?

— А почему ты не протестуешь? — спросил он в ответ. — Смирилась?

Я не ответила. Возможно, так и есть. Уже и не вспомню, когда перестала бороться за своё мнение и свободу. Если вообще когда-нибудь боролась.

— Глупо, — он покачал головой, заметив, что я поникла.

Не успела я выказать хотя бы намёк на недовольство, как нас позвала мама:

— Леон, Вивьен, идите к столу!

Следующий акт вот-вот начнётся. Я протяжно вздохнула и потянулась к лицу, чтобы провести по нему ладонью, но вспомнила, что на мне толстый слой косметики, и оборвала движение. Ещё маску свою сотру — мама точно не обрадуется, заметив размазанную тушь.

Леон вдруг потянулся ко мне и коснулся пряди моих волос. Я остолбенело уставилась на него, а он с улыбкой прошептал:

— Не забудь улыбаться, Вивьен. Не стоит грустить из-за

того, что можно исправить.

Он взял меня под руку и повёл к столу, не дав мне уточнить, что он имеет в виду.

Внутри меня всё кипело. Почему всякий раз, когда я оказываюсь рядом с Леоном, он переворачивает всё, превращая мой понятный и правильный мир в хаос?

Ужин тянулся бесконечно. Тосты, разговоры о политике, об экономике, о том, как прекрасно, когда такие молодые люди, как мы, находят общий язык. Я сидела рядом с Леоном, чувствуя тепло его плеча через ткань пиджака, и не могла поверить в происходящее.

С трудом проглотив маленький кусочек мяса, я не почувствовала его вкуса. Отложив вилку в сторону, я повернулась к Леону, сгорая от любопытства.

— Ты мог бы предупредить, — сказала я, когда мать отвлеклась на разговор с банкиршей. — Чтобы я смогла морально подготовиться.

— Испортил бы сюрприз, — бросил Леон, разрезая стейк.

— Это не смешно.

— Я и не смеюсь.

Я посмотрела на его профиль. Без татуировок и растрёпанных волос он выглядел почти незнакомым, таким подходяще привлекательным для элитного общества. Но взгляд выдавал того самого Леона, которого я знала, — свободного, непокорного.

— Потанцуем? — он неожиданно обернулся ко мне, про-

тянув руку.

Я покосилась на мать, и та медленно кивнула из-за бокала с шампанским.

— Как скажешь, — я приняла его ладонь и позволила увести себя в центр гостиной.

Гости поглядывали на нас, но из-за музыки не могли слышать, о чём мы говорим. Хитро придумано.

Леон вежливо положил ладонь на мою талию, кожа в этом месте тут же вспыхнула жаром.

— Твои тату… — начала я, когда он плавно закружил меня в танце.

— Фальшивка, — ухмыльнулся Леон. — Знала бы ты, как надоедает иногда переводить их на кожу каждое утро. А ещё от дождя они постоянно съёживаются. Сплошная морока.

Я вскинула брови.

— Зачем тогда ты это делаешь? Почему не сделаешь настоящие?

Он притянул меня ближе, обдав своим древесно-шоколадным парфюмом, и прошептал на ухо:

— Это всё, что ты хотела у меня спросить? С каких пор ты такая любопытная, Вивьен?

Я нахмурилась. С каких? С тех самых, когда ты появился в моей жизни.

— Почему ты вообще пришёл на этот ужин? Раньше я тебя на подобных вечерах не встречала. Почему пришёл сейчас?

Он замер на секунду, а затем взглянул на меня, слегка вскинув голову.

— Стало любопытно, правда ли твои родители настолько строгие, и какая ты рядом с ними. Да и отец сказал: «Придёшь на ужин к Лоссам, познакомишься с их дочерью, вдруг она тебе понравится». — Леон усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Всё как у тебя, правда? Та же клетка, только прутья другие.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то щёлкает. Словно пазл, который никак не собирался, вдруг встал на место.

Мы одинаковые. Он — просто ещё один человек, которого заставили играть чужую роль.

— И что же? Понравилась я тебе?

Я сама поразилась своей смелости, но Леон не успел ответить.

Мать подняла бокал, призывая всех к очередному тосту. Леон отпустил меня и направился к столу. Лицо его снова стало вежливым и чужим.

Но я видела.

Теперь я видела его настоящего. И, кажется, мне нравилось то, что я вижу.

В половине одиннадцатого гости начали разъезжаться. Леон задержался у двери, прощаясь с моей матерью. Когда они закончили обмениваться любезностями, она подошла ко

мне и прошептала на ухо:

— Он произвёл отличное впечатление. Ты тоже была на высоте, я горжусь тобой.

Я промолчала. От её похвалы у меня давно ничего не ёкало.

Леон стоял у порога, накинув чёрное длинное пальто, и ждал отца. Мэр уже одевался, обмениваясь последними никому не нужными комплиментами с матерью.

— Вивьен, — позвал Леон, и я подошла.

Он взял мою руку и, к моему удивлению, поднёс к губам. Поцелуй был лёгким, едва заметным, но я почувствовала его тепло на своей коже.

— Я могу стать твоим прикрытием, — сказал он. А потом добавил почти неслышно: — Если захочешь сбежать от правил, просто позови.

И вышел за дверь.

Я стояла в прихожей, чувствуя, как медленно остывает моя рука. В голове гудело, сердце колотилось где-то в горле.

За окном послышался рёв мотоцикла. И в этом рёве мне почудилось что-то похожее на свободу.

Свободу, которой у меня никогда не было.

Но, возможно, Леон подскажет, где её искать.

Глава 5

Уже перевалило за полночь, а я всё ещё не могла прийти в себя.

Дом опустел, слуги бесшумно расправлялись с остатками вечера, чтобы к утру особняк блестел совершенством. Мать ушла к себе, бросив на прощание: «Ты сегодня отлично справилась, Вивьен. Не разочаруй нас в следующий раз».

Следующий раз. Она говорила так, будто это был не ужин, а генеральная репетиция, и теперь меня ждёт целая серия спектаклей.

Я стояла у окна в своей комнате, сжимая в пальцах край шторы, и смотрела в темноту за стеклом. Ноябрьская ночь была холодной и беззвёздной. Где-то там, по освещённым фонарями улицам, Леон Роуд — точнее, Блэкторн — катался на своём мотоцикле, не взирая на комендантский час и строгие правила, установленные «заботливыми» родителями. Или он уже дома? Или сидит в какой-нибудь забегаловке и думает о чём-то своём?

О чём он думает? Обо мне?

Я отогнала эту мысль, как назойливую муху.

Леон Блэкторн. Сын мэра.

Я повторяла это про себя, но слова не складывались в осмысленную картину. Как тот самый Леон — парень, о котором ходили слухи, что он живёт один, потому что родите-

ли махнули на него рукой, — может быть сыном Ричарда Блэкторна, человека, который каждое воскресенье появляется на городском телеканале с праведными речами о важности создания крепких семей ради благополучия Арбона?

Ложь. Сплошная ложь.

Но хуже всего было другое — я отчасти понимала, зачем Леон носит эту маску в элитном обществе и предстаёт перед ним совершенно неузнаваемым. Потому что я делала то же самое. Каждое утро я надевала своё «правильное» лицо, шла в школу, улыбалась учителям и делала вид, что меня всё устраивает. А дома я была послушной дочерью, которая не смеет перечить.

Мы одинаковые.

Но разница в том, что Леон научился снимать свою маску и быть настоящим, а мне эта роскошь оказалась недоступной. Мне хотелось узнать секрет парня, понять, как ему удаётся совмещать такие разные жизни. И моё неудержимое желание сблизиться ради этого с Леоном жутко пугало.

Я легла в кровать, но сон не шёл. Перед глазами стояло его улыбающееся лицо, когда он целовал мою руку. «Я могу стать твоим прикрытием, Вивьен. Если хочешь сбежать от правил, просто позови».

Сбежать.

Я почти чувствовала вкус этого слова. Горький, как тот шоколад, что он предлагал мне в кабинете директора. Сладкий, как запретный плод, который я никогда не смела попро-

бовать.

А что, если я позвоню ему? Что, если скажу: «Да, Леон, я хочу сбежать. Покажи мне, как это делается»?

Он рассмеётся? Или посмотрит своими тёмными глазами и скажет: «Я рад, что ты согласилась»?

Я перевернулась на другой бок и зарылась лицом в подушку.

Нет. Нельзя. Я не могу.

Если я сделаю этот шаг, если позволю себе хотя бы на миг поверить, что могу быть свободной, — меня не остановить. А остановиться придётся рано или поздно. Потому что моя жизнь — это клетка. И ключ от неё не у Леона. Он просто такой же узник, как и я.

Утро понедельника встретило меня сообщением на мобильнике от матери: «Завтра у тебя выступление. Я уеду на пару дней по делам, так что прийти не смогу. Джонатан проследит за тобой, поэтому не забудь, что я говорила про осанку и улыбку».

Я протяжно вздохнула и раскинула руки в стороны на кровати. Теперь и мама уехала — это отличный шанс, чтобы…

Издав нечленораздельный звук, похожий на дикое рычание, я со всей дури кинула подушку в стену. Вселенная надо мной издевается, раз предоставляет столько возможностей ответить согласием на предложение Леона.

Ну уж нет, этому точно не бывать. Потом будет слишком

больно возвращаться к постылой реальности.

Я вскочила с постели и принялась собираться в школу, думая о завтрашнем концерте. Балетом я занималась с шести лет, и сначала мне даже нравилось. Пуанты, классическая музыка, элегантные па — это было похоже на сказку, я чувствовала себя настоящей принцессой. А потом сказка превратилась в обязанность и ещё один пункт в списке достижений семьи Лосс.

Джонатан отвёз меня в школу, и весь путь я смотрела в окно, перебирая в голове возможные сценарии встречи с Леоном.

А что, если он подойдёт? Что, если заговорит? Что, если снова улыбнётся своей полуулыбкой и спросит: «Ну что, надумала?»

Я не знала, что отвечу.

Но Леон не подошёл.

Я сталкивалась с ним дважды за день — утром у входа, когда он проходил мимо, не глядя в мою сторону, и на большой перемене, когда он стоял у лестницы и смотрел в телефон. На нём снова была чёрная толстовка, джинсы и наушники. Ни следа от того парня в костюме, который очаровывал любого, кто на него посмотрит.

Как будто того вечера не было. Как будто я всё выдумала.

Элиза и Демиан сегодня немного осмелели. Они громко шептались со своими друзьями обо мне, а когда я оборачивалась к ним, начинали издевательски хохотать, и даже окрики

учителей не могли их осадить.

Что с ними не так? В чём удовольствие насмехаться над другими людьми? Лучше бы занялись своими жизнями — глядишь, стали бы гораздо счастливее. А самое обидное, что остальные ученики следовали за ними и тоже подшучивали надо мной не потому, что ненавидели меня, как двойняшки Хайнс, а просто за компанию. Потому, что так делают все, даже не попытавшись узнать меня.

Из-за пробудившегося чувства одиночества я иногда ловила себя на мысли, что ищу Леона взглядом. В коридоре, в столовой, на парковке. Он был всегда где-то рядом, но между нами будто выросла невидимая стена. Он не заговаривал со мной, а я не осмеливалась подойти первой. Что это за игры такие? Устраивает мне эмоциональные качели, словно мне родительских мало.

К концу учебного дня я не выдержала.

Спряталась на заднем дворе школы, достала телефон и открыла контакты. Номер Леона мне дала мама после ужина, «чтобы ты могла связаться с ним, если что-то понадобится». Наверное, она думала, что я буду писать ему милые сообщения и строить из себя влюблённую дурочку. Если бы мама знала, для чего на самом деле я собираюсь ему написать…

Я набрала: «Привет, это Вивьен».

Стереть.

«Леон, привет».

Стереть.

«Ты сказал, я могу позвать…»

Стереть.

Я засунула телефон в сумку и закрыла лицо руками.

Что я делаю? Зачем я вообще думаю о нём? Мы не друзья. Мы даже не знакомы по-настоящему. Один разговор в кабинете директора, один обед в столовой, один вечер в моей гостиной — этого недостаточно, чтобы…

Чтобы что?

Я снова достала телефон и заблокировала номер Леона.

А через минуту разблокировала.

Глупо. Как же всё это глупо.

В день выступления я стояла за кулисами городского театра, и с тревогой выглядывала в зал. Девушки, с которыми мы вместе занимались с самого детства, подбадривали друг друга вдали от меня. А я нервно кусала ногти, не зная, как подойти к ним и начать разговор.

Деньги родителей дали мне множество возможностей для развития и безбедного будущего, но отобрали возможность стать своей в этом маленьком городе.

Мой наряд отличался от остальных. Белый купальник и пачка были расшиты серебристыми нитями и настоящим жемчугом, хотя я даже не солировала. Белая ворона в прямом смысле этого слова. Как же бесит.

Тугой пучок тянул волосы, новенькие пуанты сдавливали пальцы, вызывая раздражение. От толстого слоя косметi-

ки жгло кожу, живот скручивало от волнения. Мне хотелось бросить всё и сбежать, но, представив, сколько нотаций наслушаюсь от матери, я откинула мимолётный порыв.

Это всего лишь несколько минут, и всё закончится. Давай, Вивьен, ты справишься.

Прозвенел финальный звонок, и я вышла на сцену под свет софитов вслед за другими танцовщицами. Музыка заиграла, и тело само вспомнило движения, заученные до автоматизма. Медленные, плавные, полные тоски и чего-то ещё, чему я не смогла дать название. Я так мало понимала в настоящих чувствах, и это так меня злило.

Я танцевала, глядя в одну точку над головами зрителей, как учили. Улыбалась, как учили. Дышала, как учили. Всё шло по накатанной, без изъяна, но ненадолго.

Что-то дёрнуло меня опустить взгляд на зрительный зал, и я увидела его.

В первом ряду, прямо напротив сцены. Тёмные волосы, тёмная одежда, расслабленное лицо, которое невозможно забыть, даже если очень постараться.

Леон.

Я сбилась с ритма на долю секунды, но тут же взяла себя в руки. Нельзя. Не сейчас. Джонатан сидит в зале, если ошибусь — он точно всё доложит матери, и никто меня щадить не станет.

Но внутри всё оборвалось.

Леон пришёл. Он здесь. Почему? Как он узнал, где я? А

может, мне показалось?

Я дотанцевала словно в трансе. Когда музыка стихла и зал взорвался аплодисментами, я сделала реверанс, механически улыбнулась и скрылась за кулисами. Ноги дрожали, руки тряслись. Я прислонилась к стене и закрыла глаза.

— Вы были великолепны, — Джонатан нырнул за кулисы и широко улыбнулся мне под недовольным взглядом миссис Пиколт, моей учительницы танцев. — Я в балете не разбираюсь, конечно, но сияли вы ярче всех.

Он протянул мне букет лилий. Конечно, других цветов в нашей семье и не знали.

— Спасибо, — я приняла букет, размышляя о том, что сияла я ярче явно не из-за своих посредственных талантов, а из-за дорогого наряда.

«Выделяйся всегда и во всём, Вивьен», — твердил отец. А что, если их благие намерения привели к обратному? Что, если я, наоборот, стала невидимкой? Узнай они это — точно придумали бы новый план, как сделать меня заметнее.

— Мне нужно уехать, чтобы забрать посылку для мистера Лосса. Вы же сможете вызвать себе такси? — Джонатан почесал затылок в смятении. — Или мне дождаться…

— Нет, всё в порядке, — поспешила заверить я, радуясь, что хотя бы на какое-то время смогу остаться без постоянного наблюдения. — Не беспокойся, в Арбоне невозможно потеряться.

Он благодарно кивнул и ушёл, а я побрела в гримёрку — конечно же, для меня она была отдельной. Маленькая комната с зеркалом во всю стену, туалетный столик, заваленный брендовой косметикой, вешалка с нарядами, сшитыми на заказ у известных дизайнеров — от одного взгляда на всё это меня затошнило.

Я закрыла дверь, села на стул и уставилась на своё отражение. На лице застыла улыбка, а в глазах плескалась усталость. И ещё — смутная надежда на то, что всё можно изменить. Но я беспощадно давила её, не желая причинять себе боль. Уж лучше и дальше гнить в своём болоте, чем бросаться в огромные неизвестные воды.

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказала я, думая, что это Джонатан, который всё же не смог оставить меня без надзора.

Дверь открылась. На пороге, с букетом белых роз в руке, стоял Леон.

Я замерла. Уже и забыла, что видела его в зале, решив, что мне привиделось.

Он был в чёрных брюках и белой рубашке — не такой официальный, как на ужине, но и не в своей обычной толстовке. Волосы слегка растрёпаны, как будто он мчался на мотоцикле и забыл причесаться. На губах — та самая полуулыбка, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

— Привет, — сказал он просто.

— Ты... — голос сел. Я прочистила горло. — Что ты здесь

делаешь?

— А ты, оказывается, неплохо танцуешь, — ответил он, входя и закрывая за собой дверь. — Поздравляю.

Леон протянул букет. Белые розы, свежие, с капельками воды на лепестках. Я машинально взяла их, вдыхая нежный аромат.

— Откуда ты узнал? — спросила я. — Про выступление.

Он прислонился к стене и скрестил руки на груди, закинув голову.

— Твоя мама звонила моему отцу. Намекнула, что неплохо бы мне прийти и поддержать тебя.

Я сжала букет в пальцах, не спуская глаз с Леона. Грудь болезненно сдавило.

— Так ты пришёл потому, что так захотели наши родители?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Изучающим, от которого мурашки бежали по коже.

— Я пришёл, потому что хотел. Родители тут ни при чём.

Я не знала, что ответить. Чувствовала себя так неловко, будто предстала перед Леоном в дурацком виде. Он постоянно игнорировал меня в школе, подходя только тогда, когда сам того хотел, а сейчас смотрел так, словно я его чем-то обидела. Ничего не понимаю.

— Садись, — сказала я, кивнув на свободный стул, не в силах выдерживать его влияние на себя.

Леон опустился на стул, расставил ноги в беспечной позе.

Такое ощущение, что он везде чувствует себя комфортно, в какой бы нелепой ситуации ни оказался. Завидую.

Я положила букет на столик, не зная, с чего начать разговор. Леон же сам не спешил объяснять причины своего странного поведения.

— Зачем ты пришёл на самом деле? — спросила я. — Только честно. Мне надоело, что ты постоянно то исчезаешь, то появляешься в моей жизни. Должна же этому быть какая-то причина.

Он задумчиво провёл большим пальцем по губе, а потом наклонился вперёд, опираясь локтями на колени.

— Ты права, — сказал он. — Такая причина есть.

Я ждала, считая каждый удар своего сердца. Не знаю, что конкретно хотела от него услышать, но тело моё трепетало так, будто от его слов зависела моя жизнь.

— Я думал о том, что сказал тебе в субботу, — продолжил Леон, не замечая моего волнения. — Про прикрытие. И понял, что это было глупо.

Вздрогнув, как от невидимой пощёчины, я до боли прикусила губу.

— Глупо?

— Да. Потому что прикрытие — это не то, что нам нужно. *Нам*, — он подчеркнул это слово, — не нужны игры. Нам нужно что-то настоящее.

— Что, например? — спросила я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Дружба, — Леон подмигнул мне с широкой улыбкой. — Я предлагаю тебе дружбу. Без каких-либо обязательств. У тебя ведь нет друзей? У меня тоже, так почему бы не объединиться? Что скажешь?

Я смотрела на него и не верила своим ушам.

Леон Роуд, который ни с кем не разговаривает в школе, предлагает мне дружбу. Мне? Объекту для школьных насмешек?

— Почему я? — голос мой слегка дрогнул.

Он усмехнулся.

— А почему нет? У нас ведь много общего, будет о чём поболтать. По-твоему, я плохой кандидат в друзья?

Повисла тишина. Где-то за стеной слышались голоса и смех танцовщиц, отмечающих сегодняшнее выступление. Праздник продолжался без меня, а я сидела в гримёрке и смотрела на парня, который захотел вторгнуться в мою скучную жизнь и всё в ней смести до основания. Пока ничего не останется, кроме пепла.

— Ладно, — сказала я, сама до конца не веря, что говорю это. — Допустим, я согласна на дружбу. Что дальше?

Леон встал, и на его губах заиграла хитрая улыбка.

— А дальше, — он протянул мне ладонь, — я покажу тебе место, где можно танцевать не по правилам, а так, как хочется.

— Это где? — я приняла его руку, чувствуя, как любопытство пересиливает страх.

— В клубе, где же ещё, — ухмыльнулся он.

Я остолбенело уставилась на него. Если родители узнают, что я была в клубе, меня точно отправят в интернат без шансов на возвращение.

— Но я не уверена, что мне стоит появляться в подобных местах, — возразила я, пытаясь вырвать руку, но Леон мягко сжал мою ладонь, не отпуская.

— Всё будет в порядке, — заверил он. — Я же буду рядом. С тобой ничего не случится.

Я смотрела на него и понимала, что если сделаю хоть ещё один шаг ему навстречу, то точно пропаду безвозвратно.

Не потому, что он опасен, а потому, что он предлагает мне то, чего я боялась и жаждала больше всего на свете: свободу.

— Когда?

— Сейчас, — ответил он. — Тебя ведь никто не ждёт, верно? Я потом подвезу тебя домой.

Глаза мои расширились от удивления.

— На мотоцикле?

— На мотоцикле, — рассмеялся он, заметив мой шок. — Не бойся, я дам тебе шлем, да и вести буду аккуратно.

Я закрыла глаза. В голове крутились сотни «нельзя». Нельзя садиться на мотоцикл к парню, которого почти не знаешь. Нельзя ехать в клуб, где играет неправильная музыка и танцуют неправильные люди.

Нельзя. Нельзя. Нельзя.

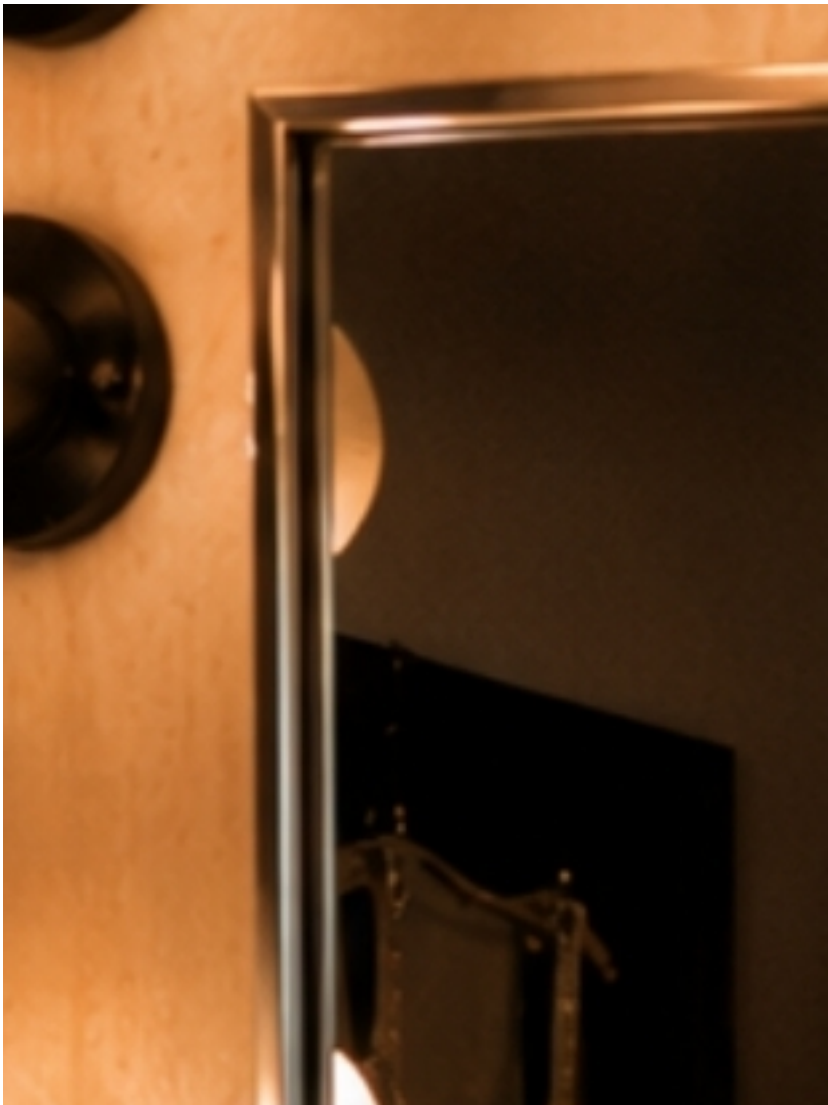
А потом я открыла глаза и сказала:

— Хорошо. Я согласна.

Леон улыбнулся.

И от этой улыбки внутри меня разлилось тепло. Опасное. Запретное.

Но отступать было поздно. Я сделала свой выбор.

Глава 6

Клуб назывался «Подвал», и это название подходило ему на сто процентов.

Я куталась в свой вязаный кардиган бежевого цвета, пока мы спускались по ржавой металлической лестнице. Леон толкнул тяжёлую дверь, и на нас тут же обрушилась звуковая волна громкой ритмичной музыки. Не та классика, к которой я привыкла, а что-то низкое, пульсирующее, заставляющее кровь двигаться быстрее. Воздух пах потом, дешёвым табаком и алкоголем.

Я никогда раньше не бывала в таких местах, видела их только в кино. Мои родители считали, что клубы — это «прибежище для людей без амбиций и воспитания». Я ожидала увидеть полураздетых людей, дерущихся в углах, или бандитов, но здесь всё оказалось… обычным. Люди танцевали, смеялись, сидели за столиками с разноцветными коктейлями. Ничего криминального, чем меня всегда пугали родители.

— Идём, — Леон потянул меня за рукав кардигана, перекрикивая громыхающую музыку. — Нам туда.

Я прищурилась, пытаясь разглядеть в ослепительном свете софитов, в полумраке и дымке место, куда меня вёл парень. Я приглаживала запутавшиеся из-за шлема волосы, чувствуя себя чужой среди всех этих незнакомых и расслаб-

ленных людей. Но Леон, кажется, не замечал моей неловкости.

Дорогу к «Подвалу» я почти не запомнила. Мне было так страшно, что я вцепилась в торс Леона с такой силой, что он несколько раз просил меня ослабить хватку, пока я его не задушила. Я сгорала от стыда, а он смеялся, и от его смеха меня ещё больше охватывало смущение.

И зачем он вообще со мной связался? Я же ужасно скучная. Неужели среди всех этих людей не нашлось никого, с кем Леон захотел бы подружиться?

Он привёл меня к столику в углу, где уже кто-то сидел.

— Вивьен, — сказал Леон, и в его голосе появились те тёплые нотки, которых я никогда не слышала в школе. — Познакомься. Это…

Я подняла глаза и замерла.

За столиком, положив ногу на ногу и потягивая пиво из бутылки, сидел мистер Дейвис. Наш физрук. В джинсах и футболке с надписью «ROCK» он выглядел так, будто ему было не двадцать три, а восемнадцать. Серьга-клипса на его правом ухе добавляла развязности его облику. Он никак не выделялся среди посетителей клуба, и вряд ли кто при первом взгляде на него подумал бы, что этот парень преподаёт в школе.

— Лосс? — мистер Дейвис поперхнулся пивом и поставил бутылку на стол. Его глаза округлились и обратились на моего ухмыляющегося спутника. — Леон, ты притащил сю-

да Вивьен Лосс? Дочь Виктора Лосса? Ты с ума сошёл?

— А что такого? — захохотал Леон, усаживаясь на стул и жестом приглашая меня сделать то же самое. — Вспомнил о преподавательской этике? Поздновато спохватился.

— Предупреждать надо, что придёшь с девушкой, — усмехнулся Дейвис, а потом посмотрел на меня уже мягче. — Прости, Вивьен, я просто удивился. Леон никогда меня раньше со своими девушками не знакомил, да и он не рассказывал, что вы встречаетесь…

— Мы не встречаемся, — поспешила поправить его я, пока Леон отмалчивался, с улыбкой глядя на мистера Дейвиса. — Мы просто друзья. С сегодняшнего дня.

Учитель вскинул бровь и недоверчиво оглядел меня, а потом Леона.

— Вот как, ну-ну, как скажете.

Неловкое молчание повисло между нами, а я от нервов начала ковырять ногти под столешницей. Что за странная ситуация? Я думала, что мы будем только вдвоем.

Я одернула себя. О *чём* ты думала, Вивьен? Это же не свидание, чтоб тебя.

— Принесу тебе что-нибудь выпить, — раздался прямо над моим ухом низкий голос Леона, заставив меня вжаться в стул. И не успела я сказать ему, что ничего не хочу, он уже скрылся среди танцующих тел.

Я прикусила губу и покосилась на мистера Дейвиса. Тот поигрывал бутылкой в руках, по прохладному стеклу стека-

ли капли конденсата.

— Спрашивай, Вивьен, — он отсалютовал мне. — Я же вижу, что тебе интересно. Пользуйся случаем, пока твой «друг» не вернулся.

От меня не укрылось, с какой интонацией мистер Дейвис произнёс слово «друг». Замявшись, я поискала Леона в толпе, но того и след простыл.

— Что у вас с ним за отношения? — решилась я на вопрос.

Мистер Дейвис прищурился.

— А у вас?

— Я первая спросила.

Он вздохнул и потёр переносицу.

— Я ухлёстывал за одной из его старших сестер, Эрикой, так и познакомились с Леоном. Он частенько помогал мне найти путь к её сердцу.

— И как успехи?

Мистер Дейвис скривил губы и приложился к горлышку.

— Я работаю в школе, а Эрика покоряет столичные подиумы. У меня не было никаких шансов, зато теперь мы с Леоном хорошие друзья. Хоть какие-то плюсы от этой слезливой истории. Но не будем о грустном.

Он отставил пиво и нагнулся над столиком, вглядываясь в моё лицо.

— Как давно вы с Леоном встречаетесь?

Я протяжно вздохнула и повторила:

— Мы не…

— Чего пристал к человеку? — перед моим носом опустилась закрытая бутылка с ананасовым соком прямиком из холодильника. Леон плюхнулся на стул и открыл свой напиток — гранатовый лимонад. — Сам же не любишь, когда к тебе с расспросами пристают.

— Да-да, — отмахнулся мистер Дейвис. — Не даёшь старику утолить любопытство. Мне же интересно, как нынче молодёжь влюбляется, в мои годы всё было по-другому.

— Ну начинается, — закатил глаза Леон, а затем звонко рассмеялся, когда учитель с притворной злобой зыркнул на него.

Я открыла сок и отпила немного. Почему Леон не пытается переубедить мистера Дейвиса и рассказать ему правду о наших отношениях? Странное чувство колыхнулось в желудке, и я поспешила залить его сладким напитком.

LIVE
MUSI

Учитель и Леон разговорились, а я впитывала их беседу, как высушенная на солнце губка. Сначала несмело, а потом всё больше заражалась их непосредственностью и лёгкостью.

Я то и дело поглядывала на Леона, а он сосредоточился только на мистере Дейвисе, будто меня здесь и не было.

Вот опять. Почему он всегда так делает? Сам же позвал меня.

Когда учитель отлучился, я пригнулась к Леону.

— Ты говорил, у тебя нет друзей, — прошептала я ему на ухо.

— В школе — нет, — он повернулся ко мне, и его лицо оказалось так близко, что я смогла различить на его носу мелкие веснушки. — Мы дружим только за пределами школы, да и то тайком, чтобы Эндрю не уволили.

— Эндрю? — непонимающе моргнула я.

Леон вдруг потянулся к моим волосам.

— У тебя здесь травинка, — он снял с прядки соринку. — Надо было тебе волосы под шлем убрать, потом колтуны не расчешешь.

Я покраснела и отпрянула. Откуда он знает такие подробности? Часто катал девушек на своём мотоцикле? Наверняка. Леон выглядит слишком опытным в любовных делах.

— Смотрите-ка, кого я нашёл, — мистер Дейвис, держа две бутылки с минералкой, вёл под руки двоих — девушку и парня. Девушка — невысокая, с медовыми волосами до плеч и яркими зелёными глазами, без капли косметики на

красивом лице. Парень — чуть выше неё, рыжеволосый с пронзительным взглядом.

— Опаздываете, — кивнул им Леон и придвинулся ко мне ближе, освобождая место за столиком подошедшим.

Я почувствовала сквозь кардиган тепло его плеча. Я должна была отодвинуться, но не стала.

Да что это со мной?

— Пробки, — пожала плечами девушка, а потом её взгляд упал на меня. — О, ты наконец-то решил познакомить нас со своей девушкой?

Почему они всё думают, что мы встречаемся?

— Это Ева, моя подруга детства, — представил её мне Леон. — И Рик, её парень. А это Вивьен.

— Та самая Вивьен? — спросила девушка, усаживаясь напротив меня.

Я напряглась. Какая ещё «та самая»? Что Леон обо мне рассказывал?

— Вивьен Лосс, — Ева наклонила голову, разглядывая меня. — А я тебя помню. Ходила призраком по коридорам, ни с кем не общалась. Нашему классу всегда тебя в пример ставили, что ты на год нас младше, а знаешь раз в десять больше.

Я сглотнула. Ева училась в нашей школе? Почему я её не помню?

— Перестань пугать ребёнка, — сказал Рик, обнимая девушку за плечи. — Набросилась на неё, она аж побледнела.

— Я не пугаю, — фыркнула Ева. — Просто констатирую факт. Нет ничего плохого в нелюдимости, а в отличной учёбе тем более, — добавила она, заметив моё напряжённое лицо.

Я не знала, что ответить. Девушка говорила так уверенно, не боясь меня обидеть, как я бы никогда не смогла разговаривать с незнакомым человеком.

Мне вдруг стало не по себе. Я покосилась на Леона, но он расслабленно пил лимонад, словно резкость Евы была ему привычной. Интересно, насколько они близки?

— Так, народ, — мистер Дейвис поднял бутылку, сглаживая неприятную ситуацию. — Давайте выпьем за то, что наш Леон наконец привёл кого-то в нашу компанию. А то вечно один, аж смотреть больно.

— Кто бы говорил, — лениво ответил Леон, но поднёс свой бокал к общему «чоканью». Я не стала протягивать свою бутылку. Все трое посмотрели на меня в ожидании.

— Давай же, Лосс, — подбодрил мистер Дейвис. — Ты теперь с нами, не отвертишься.

Криво улыбнувшись, я поднесла свой сок, и друзья Леона по очереди приложились к нему со звоном. От этого звука я несколько расслабилась, и вечер пошёл гораздо приятнее, словно я сидела в кругу старых знакомых.

Разговор переключился на баскетбол. В Арбоне — городе, поставляющем стране высококлассных спортсменов, — почти все беседы перетекали к баскетболу. Рик и Ева и сами оказались спортсменами, они оба играли за команды

Карлского университета, куда вскоре должна была поступить и я.

— Ты ушёл из «Граппа»? — воскликнул мистер Дейвис, уставившись на Рика. — В разгар сезона? А как же команда? Победы? На тебя столько надежд было.

Рик вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Мне стало скучно. Да и появились дела куда интереснее.

Он посмотрел на Еву, и в его взгляде было столько нежности, что у меня в животе будто бабочки затрепетали. Я на миг представила, каково это, когда на тебя смотрят *так*. Я бы точно в лужицу превратилась, если бы узнала, что в меня кто-то влюблён.

— Тебе просто нравится находить оправдание в наших отношениях, — закатила глаза Ева, хотя она и приблизилась к Рику, касаясь его плеча своим. — Ты просто не смог смириться, что я лучше капитан, чем ты. Признай это.

Парень заправил прядь её волос за ухо привычным жестом.

— Ты во всём лучше меня, Ева. Проигрывать тебе — одно удовольствие.

Мистер Дейвис страдальчески вздохнул, и все рассмеялись.

Я смотрела на друзей Леона и чувствовала себя… непривычно. Так, будто подглядывала за чем-то чужим и очень личным. Они шутили, перебивали друг друга, смеялись, и

никто никого не боялся задеть. Никто не подбирал слова, не думал о том, как это будет выглядеть со стороны.

У меня никогда такого не было.

Я перевела взгляд на Еву. Она сидела, положив голову на плечо Рика, и что-то писала в телефоне, изредка бросая короткие фразы. Спокойная, расслабленная, уверенная. И я вдруг вспомнила.

Ева. Еванджелина Шицурайен.

Та самая Ева, которая держала в страхе всю Арбонскую школу. Я слышала истории, как она издевалась над одной девочкой из-за её болезни, как кинула бутылкой в бывшую девушку своего старшего брата и как однажды она заявилась в школу почти лысая и с тех пор стала совершенно неузнаваемой.

Но сейчас, глядя на девушку перед собой, я не замечала в ней ту самую хулиганку. Она словно стала другим человеком после выпуска из школы.

— Ты… — я не сдержалась и встряла в разговор. — Ты ведь та Ева? Которая…

Я осеклась, испугавшись собственной смелости. Девушка подняла голову, и её глаза сузились.

— Которая что? — спросила она спокойно, но в голосе послышался металл.

— Ничего, — я смущённо опустила голову. — Прости. Забудь.

Но Ева не стала заминать тему.

— Та, которая была стервой, — закончила она за меня. — Да, это я. И что?

Тишина повисла над столом. Леон напрягся, как и Рик. А мистер Дейвис поднял ладони в успокаивающем жесте.

— Я не хотела… — начала я.

— Всё в порядке, — перебила Ева и широко улыбнулась. — Я была ужасным человеком — это факт. Тебе не досталось от меня только потому, что ты нечасто мелькала перед моими глазами. Но люди меняются, Вивьен. Иногда нас вынуждают измениться.

Она помрачнела и поджала губы.

— Ева… — мягко позвал Рик, погладив её по плечу.

— Нет, — она качнула головой, не сводя с меня глаз. — Я не обижаюсь. Она права. Я была той ещё тварью в школе, за что сурово поплатилась. Но потом я встретила этого придурка, — Ева кивнула на Рика, — и поняла, что быть злой — это скучно. И одиноко.

Рик усмехнулся и крепко обнял её.

— Она сейчас хорошая, — сказал он мне. — Иногда даже слишком.

Ева фыркнула и толкнула его локтем в бок.

— Не рассказывай всем, какой я стала тряпкой.

— Ты не тряпка, — серьёзно сказал Рик. — Сильнее человека, чем ты, ещё поискать.

Я смотрела на них и не верила своим ушам. Та самая Ева, о которой даже шептаться боялись в коридорах, сейчас си-

дела передо мной в объятиях своего парня и мило переругивалась с ним. И в её глазах не было ни капли той жестокости, о которой я помню.

Люди меняются.

Может быть, и я смогу?

Леон, который всё это время молчал, вдруг склонился ко мне и прошептал:

— Ты опять слишком много думаешь.

— Откуда знаешь? — спросила я, не оборачиваясь.

— Вижу по лицу. — Он помолчал. — Жалеешь, что приехала?

Я повернулась к нему. В полумраке клуба его глаза казались ещё темнее. И в них застыло нечто необычное, будто он действительно боялся услышать от меня, что я жалею.

— Почему ты такой добрый? — спросила я вдруг.

Он удивился. На секунду его лицо потеряло ту невозмутимую маску, которую он привык носить.

— Добрый? — переспросил Леон. — Я просто не вижу смысла быть злым.

— А в школе ты притворяешься, что тебя всё бесит.

— В школе я притворяюсь, что меня не существует, — поправил он. — Это разные вещи. Если тебя не замечают, никто к тебе не лезет и не задаёт вопросов. А вопросы мне не нравятся.

— Почему?

Он не ответил, а я не стала настаивать. Зачем лезть в душу

кому-то, кто не хочет открываться? Мне бы такое тоже не понравилось.

Разговор за столом тем временем переключился на что-то весёлое. Рик рассказывал, как Ева на прошлой неделе пыталась научиться готовить и случайно подожгла сковородку.

— Я просто хотела сделать яичницу! — оправдывалась она. — Откуда я знала, что масло нельзя нагревать так сильно? Это всё Шон, он меня неправильно проконсультировал по телефону.

— Это знают все, — вздохнул мистер Дейвис. — Даже младшеклассники. У тебя что, по физике двойка была?

— И не только по физике, — с гордостью кивнула Ева. — Я была отвратительна во всём.

— Была? — скептически выгнул бровь мистер Дейвис. Девушка скомкала из салфетки шарик и кинула точным движением ему в нос, тем самым начав обстрел, к которому подключился и учитель, на что Рик устало потёр лицо.

Я не сдержала улыбку. А потом и смешок. Он вырвался сам собой, тихий и неуверенный.

— О! — мистер Дейвис заметил мою улыбку. — А она умеет смеяться! А то я думал, ты статуя из музея.

— Не будь идиотом, — шикнула на него Ева, но без злости. — Все люди разные, она не обязана сидеть тут и развлекать тебя, отстань от неё.

— Вот именно, — подключился к моей защите Леон. — Ты опять переборщил с пивом.

— Да ладно вам, — приуныл мистер Дейвис, — я просто неудачно пошутил. Не обижайся, Вивьен, прошу.

Он сложил руки в молитве, а я поспешила успокоить его.

— Всё в порядке, это так и есть, вам не за что извиняться.

Ева одобрительно подмигнула мне.

— Самокритичная, это хорошо.

Я искренне ей улыбнулась, впервые в жизни. Основание моего мира, состоящее из правил, расшатывалось. Я сидела в клубе с парнем, которого знаю меньше недели, с учителем физкультуры, с девушкой, которая раньше была школьной хулиганкой, и с её парнем. И мне было хорошо.

Впервые за долгое время я не думала о родителях. Не переживала, что у меня не идеальная осанка. Не боялась, что кто-то заметит, как дрожат мои руки.

Мне захотелось поблагодарить Леона за то, что он привёз меня сюда. Я повернулась к нему и застыла. Он смотрел на меня. И на секунду мне почудилось, что в его взгляде я разглядела то же чувство, какое уловила в глазах Рика, смотрящего на Еву.

Что ж, Вивьен. Кажется, ты точно пропала.

***

Читай историю Евы и Рика в книге "Лгунья для капитана:

https://litnet.com/shrt/o946

Глава 7

Ева встала из-за стола и потянулась, как кошка.

— Идём танцевать, — она схватила Рика за руку, но тот вопросительно посмотрел на остальных.

— А как же…

— Не пропадут без нас, — отмахнулась Ева. — Леон присмотрит. Идём!

Они ушли на танцпол, и я проводила их взглядом. Ева двигалась легко, свободно, будто музыка была частью её тела. Рик не отставал от неё. Я заметила, как осторожно он касается девушки, словно спрашивает у неё разрешения.

Такие милые.

Мистер Дейвис закатил глаза и откинулся на спинку стула.

— Эх, любовь. Не думал, что Еве так пойдут отношения.

— А давно они вместе? — спросила я, следя за танцем парочки.

— Да кто их разберёт, — отмахнулся учитель. — У них там какая-то мутная история, я толком и не понял ничего из того, что рассказывала Ева. Но я рад за неё.

Он встал и повёл плечами, разминаясь.

— Пойду возьму ещё выпить. Вам принести?

Мы с Леоном одновременно покачали головами.

— Скучные вы, — подмигнул он и, посвистывая, направился к бару.

Мы остались вдвоём.

Леон сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на танцпол. Его лицо в полумраке казалось спокойным, почти отстранённым. Но я заметила, как его пальцы отбивают ритм по столу.

— А ты? — спросила я.

— Что я? — не понял он.

— Почему не идёшь танцевать?

Леон посмотрел на меня, и уголок его губ дёрнулся в усмешке.

— Я люблю наблюдать, — сказал он. — Танцор из меня так себе. А вот тебе стоит попробовать.

— Мне? — я растерялась. — Я… я не умею так, как они.

— Тут нет никаких секретов, — Леон осторожно взял меня за руку и встал, потянув за собой. — Так и быть, покажу тебе один раз. Пожертвую своей репутацией ради тебя.

Не успела я отговорить его, как он уже втащил меня на танцпол. Ева и Рик тут же оказались рядом и с многозначительными улыбками окружили нас.

Я испуганно оглядывалась, всматриваясь в чужие лица в ожидании насмешливых взглядов, но всем было всё равно на меня. Я была лишь одной из многих, ничем не примечательной девушкой, которая проводит время с друзьями.

— Не думай, Вивьен, — Леон стоял позади меня, придерживая за плечи. Его дыхание щекотало шею. — Почувствуй. Танцуй так, как хочется, пока никто не смотрит.

— Ты смотришь, — он мягко повёл меня в такт музыке.

— Мне можно, — усмехнулся Леон. — Давай, покажи им, как надо развлекаться.

Я обернулась, чтобы ответить, что не знаю, как надо, но Леона за мной уже не оказалось. Лишь тепло его прикосновения всё ещё ощущалось на плечах.

— Давай, Лосс! — Ева взяла меня за руки и потянула в гущу толпы. — Двигайся, чего стоишь?

Неуверенность сковала моё тело. Но энергичность Евы была настолько заразительной, что спустя несколько тактов музыки я поддалась ритму и прикрыла глаза.

Давай, Вивьен, это всего лишь танец. Никто не смотрит. Никто…

Только Леон.

Я открыла глаза и поискала его в зале. Он сидел за барной стойкой, откинувшись локтями на столешницу, и о чём-то болтал с барменом. Однако взгляд его был прикован ко мне.

Танцуй, Вивьен. Покажи ему, что тоже можешь развлекаться. Сотри эту ухмылку с его губ, пусть увидит, что я тоже чего-то стою.

Стою же?

Покачав головой, я отвернулась и стала повторять движения за Евой, быстро схватывая, будто на уроках миссис Пиколт. Я не знала, сколько прошло времени — минуты или часы. Одна мелодия сменялась другой, бас пульсировал в такт сердцу, и я двигалась, не думая, не анализируя, не боясь.

Вскоре мне стало жарко, и я стянула душный кардиган, оставшись в одном чёрном топе, и выбросила его в толпу. Люди с воодушевлёнными криками подхватили кофту, и она унеслась с потоком тел, как и мой страх быть замеченной.

Никогда ещё мне не было так хорошо, так спокойно и радостно одновременно.

Я ненароком повернулась к барной стойке. Леон всё ещё смотрел на меня, и от этого осознания я стала двигаться более раскованно. Кто-то в толпе присвистнул, но я не обращала внимания. Лишь одного парня мне хотелось привлечь, лишь ему одному предназначался мой танец.

Ужас, о чём я думаю? Ещё и дня не прошло, как мы стали друзьями.

— Ты такая красивая, когда улыбаешься, — сказала Ева, наклоняясь ко мне, чтобы перекричать музыку. — Теперь я понимаю, почему Леон выбрал тебя. Вы похожи.

— Что? — я даже остановилась на мгновение от её слов.

Она приобняла меня за талию, увлекая за собой.

— Он у нас мальчик нежный, — улыбнулась Ева. — Не обижай его, Вивьен, а то опять спрячется в своей раковине — не достанешь.

Мне так хотелось расспросить её, что всё это значит, но она уже оставила меня и повисла на шее Рика, целуя его в щёку.

Я отвернулась, снова посмотрела на Леона и подумала: какой же он на самом деле? За маской хулигана, сына мэра,

того, кому всё равно на мнение окружающих — кто он?

Я хотела узнать.

Слишком сильно для простой дружбы.

Когда мы с Евой и Риком вернулись за столик, мистер Дейвис спал, уронив голову на сложенные руки. Из его рта вырвался тихий свистящий звук, и Рик, взглянув на него, тихо рассмеялся.

— Он всегда так, — Ева потрепала учителя по волосам, тот пробурчал что-то невнятное. — Вырубается в самый неподходящий момент. Однажды он уснул на вечеринке, и мы с моим братом не могли добудиться его. Отвезли его домой, переодели в старую бабушкину ночнушку и усадили в кресло-качалку. Видели бы вы его лицо утром.

Я рассмеялась, представляя мистера Дейвиса в подобном виде.

— Живой? — Леон возник прямо за моей спиной, его глубокий голос раздался над моей макушкой. Я встрепенулась и прикусила губу.

Не надо, Вивьен, не позволяй чувствам вскружить тебе голову. Он скоро поймёт, какая ты скучная, и исчезнет. Как и все.

— Более-менее, — усмехнулась Ева. — Давайте-ка, парни, помогите мне дотащить этого увальня до машины.

Леон и Рик подхватили мистера Дейвиса под руки, его голова упала на грудь, и мужчина громко захрапел.

— Ну что, Лосс, — Ева закинула мне руку на плечо. От неё пахло дождём и солнцем — две противоположности одной личности. — Как тебе наша неправильная жизнь?

Она вела меня за парнями по скрипучей лестнице прочь из бара. Тонкий месяц серебрился на ясном звёздном небе, ночная прохлада охладила разгорячённую танцами кожу. Новые ощущения захлестнули меня, вытянули из моего болота. Мне было страшно, что ждёт дальше, но я ни за что не отказалась бы почувствовать это вновь.

Свобода. Так вот что это такое.

— Мне кажется, — я улыбнулась, подставив лицо ветерку, пока Рик и Леон затаскивали мистера Дейвиса в чёрный внедорожник, — ничего правильнее я в жизни не испытывала.

— То ли ещё будет. — Ева прижала меня к себе и прошептала на ухо: — Позволь Леону помочь тебе. Я знаю, что это такое, когда кажется, будто выхода нет. Он есть, просто иногда в одиночку не справиться.

Я кивнула, чувствуя, что ей пришлось пройти через то, чего я даже вообразить себе не могла.

— Готово, можно ехать! — прикрикнул Рик, захлопнув пассажирскую дверцу. — Вас подвезти?

Его вопрос обращался к Леону. Тот коротко взглянул на меня и ответил отказом.

— Я обещал Вивьен, что отвезу её домой. Управитесь без нас?

— Вообще-то… — начал было Рик, но Ева пихнула его

локтем в бок и протянула:

— Конечно. На крайний случай оставим Эндрю досыпать в машине.

— Чтобы он опять мне весь салон… — возмущался Рик, а Ева прикрыла его рот ладонью и подмигнула мне.

— Валите, детки, хорошо покататься.

— Ты всего на год старше, — закатил глаза Леон.

— Зато какой год, — хохотнула Ева, заталкивая своего парня на водительское сиденье. — Напиши, как доедете, чтобы я не волновалась.

— Да, мам, — отсалютовал ей на прощание Леон.

Внедорожник вырулил на трассу и скрылся, оставив нас с Леоном наедине. Я шумно сглотнула и покосилась на него. Ветер подул сильнее, а я вдруг вспомнила, что вышла на улицу в холодную ноябрьскую ночь в одном топе.

Поежившись, я обняла себя за плечи. Леон, заметив это, снял с себя кожаную куртку и накинул на меня. Горячее тепло с запахом горького шоколада окутало меня уютным облаком.

— Едем? — Леон кивнул на свой мотоцикл.

Я кивнула и просунула руки в рукава, которые оказались для меня слишком длинными. Я попыталась их подвернуть, но из-за смущения у меня ничего не выходило.

Коротко усмехнувшись, Леон подвернул рукава и застегнул молнию мне под самое горло.

— Простудишься ещё. Тебе надо постараться хорошенько

выспаться, а то завтра на уроках носом клевать будешь.

В подтверждение своих слов он легонько щёлкнул меня по носу и пошёл за своим мотоциклом. А я смотрела ему в спину, обтянутую белой рубашкой, и молилась всем богам, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась.

Леон подъехал ко мне на своём мотоцикле — чёрном, блестящем, опасном. Но на этот раз я не боялась поездки. Я хотела поскорее почувствовать, как адреналин бурлит в моей всегда холодной крови.

— Шлем, — он протянул мне защиту. — Помочь с волосами?

Я покачала головой, чувствуя себя недотёпой. Он такой заботливый, потому что думает, что я ни с чем не справляюсь? Или потому, что ему действительно хочется обо мне заботиться?

Я надела шлем, чтобы скрыть покрасневшие щёки. Леон помог мне сесть позади него, придерживая за талию.

— Держись крепко, — сказал он с усмешкой. — Только больше так не сжимай, обещаю, что не уроню тебя.

Я обхватила его руками за талию и почувствовала, как под тканью рубашки напрягаются мышцы. Он был тёплым и сильным. От его близости любой страх улетучивался. Я вдруг поняла, что и в самом деле доверяю ему.

Мотор взревел.

Я зажмурилась, когда мотоцикл рванул с места. В про-

шлый раз я всю дорогу провела с закрытыми глазами, а сейчас осмелилась открыть сначала один глаз, потом второй и обомлела.

Ночной город проплывал мимо — грязные улицы, редкие фонари, освещённые витрины магазинов. Я смотрела на огни Арбона и чувствовала себя… живой.

По-настоящему живой.

Смех рвался из груди вместе с задушенными долгими годами смирения чувствами. Я немного ослабила хватку на торсе Леона и позволила себе расслабиться и ощутить скорость всем телом.

Так вот каково ему. Кататься так каждый день, ни от кого не зависеть. Не вздрагивать от звонков и не бояться опоздать домой на минуту позже. Зависть пополам с наслаждением захватили меня, знакомя с новой версией себя. И мне она определённо нравилась.

Леон свернул с главной дороги и остановился на холме. Я не поняла зачем, пока он не заглушил двигатель и не помог мне снять шлем, а затем и слезть с мотоцикла.

— Смотри, — сказал он, кивнув.

Я оторвала взгляд от него и посмотрела вперёд.

Город лежал внизу как на ладони. Маленькие огоньки домов, тонкие нити уличных фонарей, тёмные пятна парков. Небо над горизонтом начинало светлеть — сначала едва заметно, на грани серого и синего, а потом вдруг полыхнуло оранжевым.

Рассвет.

Я смотрела, не дыша.

Солнце ещё не показалось, но его приближение чувствовалось во всём — в тепле, что разливалось по небу, в лёгком ветерке, в первых криках птиц.

— Красиво, — прошептала я.

— Да, — ответил Леон, но почему-то я не была уверена, что он смотрит на город.

Я обернулась. Он стоял рядом, повернув голову ко мне, и его взгляд был устремлён не на горизонт. На меня.

Моё сердце пропустило удар.

В его тёмных глазах отражались первые лучи рассвета, и они больше не казались холодными и отстранёнными, как тогда, когда его взгляд встречался с моим в коридорах школы.

Почему он так смотрит на меня? От волнения я задрожала, а Леон, подумав, что я замёрзла, вопросительно поднял бровь.

— Могу я… — начал он, а я, не дожидаясь продолжения, тут же согласилась:

— Можешь.

Я думала, что он поцелует меня. Я была уверена в этом. Я хотела этого.

Но он лишь легонько приобнял меня за плечи, согревая своим теплом.

Я что, разочарована? Вивьен, ты сошла с ума?

Тишина повисла между нами. Тяжёлая, наполненная чем-то невысказанным. Где-то внизу, в городе, просыпались люди. Начинали свои обычные дни, не зная, что на этом холме в эту секунду происходит нечто, что может изменить всё в моей жизни. Я уже не хотела возвращаться в ту старую жизнь, к строгим правилам и контролю.

Но реальность напомнила о себе звонком.

Телефон завибрировал в кармане моей юбки, и я вспомнила, что за всё это время мне никто так ни разу не позвонил. Ни мама, ни Джонатан. Они всегда проверяли, сплю я или нет, где нахожусь. А этим вечером — ничего. Тишина.

Мне стало по-настоящему страшно.

Телефон продолжал настойчиво трезвонить. Леон с беспокойством нахмурился, а я дрожащей рукой достала смартфон и взглянула на экран. Он горел ярко-белым светом, высвечивая имя, от которого у меня похолодели пальцы.

Отец.

Я смотрела на буквы и не могла дышать. Зачем звонит? Почему не мама?

Я провела пальцем по экрану, принимая вызов. Поднесла телефон к уху. Вопрос отца был коротким, как удар хлыста:

— Где ты?

Всего два слова. Но в них было всё — и ярость, и разочарование, и обещание наказания, от которого у меня подкосились ноги.

Я открыла рот, чтобы ответить. Чтобы солгать. Чтобы ска-

зать что-то, что спасёт меня. Но горло перехватило, и я не смогла выдавить ни звука.

Леон повернул голову и посмотрел на меня. Его лицо было спокойным, но в глазах мелькнуло нечто непонятное. Понимание. Или жалость?

Я не знала.

Знала лишь одно — этот день, начавшись так ярко, грозит перерасти в мой самый страшный ночной кошмар.

######

Впереди вас ждут:

⭐ Какие отношения будут между Леоном и Вивьен?

⭐ Сможет ли она стать свободной или воля родителей окажется сильнее?

⭐ Какую тайну скрывает Леон?

Благодарю вас за чтение ознакомительного фрагмента и приглашаю вас в следующие, платные главы.

Приятного вам прочтение и прекрасного настроения!

Глава 8

Телефон выпал из моих рук.

Я смотрела, как он падает на острые камни, и не могла пошевелиться. Экран разбился — тонкая паутина трещин разбежалась по стеклу, но звонок не прервался. Голос отца продолжал звучать где-то в динамике, отдалённый и ледяной:

— Вивьен, я жду ответа.

Сердце колотилось где-то в горле. Воздух кончился — весь сразу, будто кто-то выдернул пробку из моих лёгких, и я осталась стоять на этом холме, глотая ноябрьскую пустоту распахнутым ртом.

Нет. Нет, нет, нет.

Я думала, у меня ещё есть время. Отец же улетел в командировку — подписывать контракты, встречаться с партнёрами, его не должно было быть в Арбоне. Он не должен был вернуться так рано.

— Я… — голос мой сорвался на сиплый шёпот. — Я…

Я не знала, что сказать. Не могла придумать ни одной п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.